

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

НОЧНЫЕ КРЫЛЬЯ ЧЕЛОВЕК В ЛАБИРИНТЕ

Фантастика: классика и современность

Роберт Силверберг

**Ночные крылья.
Человек в лабиринте**

«Издательство АСТ»

1968, 1969

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Силверберг Р.

Ночные крылья. Человек в лабиринте / Р. Силверберг —
«Издательство АСТ», 1968, 1969 — (Фантастика: классика и
современность)

ISBN 978-5-17-127278-4

«Ночные крылья». Далекое будущее земной цивилизации, переживающей упадок. Человеческое общество разделено на касты по принципам невмешательства в дела друг друга и строгого разграничения деятельности. Правители, Летописцы, Хирурги, Сомнамбулы, Воздухоплаватели исполняют свои обязанности, не обращая внимания на представителей других каст. Но мир этот хрупок – изгнанники с Земли поклялись жестоко отомстить своим притеснителям, и каста Наблюдателей денно и нощно стоит на страже, ожидая вторжения... «Человек в лабиринте». Первый в истории контакт с инопланетянами стал личной трагедией Ричарда Мюллера. Он превратился в источник зла, губительные лучи которого угрожают всему человечеству. Мюллер принимает решение навсегда закрыть себя в Лабиринте на планете Лемнос – грандиозной западне, из которой еще никто не возвращался живым. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-127278-4

© Силверберг Р., 1968, 1969
© Издательство АСТ, 1968, 1969

Содержание

Ночные крылья	6
Завоеватели	6
Часть 1	7
1	7
2	12
3	17
4	21
5	26
6	31
7	34
8	37
Часть II	42
1	42
2	48
3	54
4	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Роберт Силверберг

Ночные крылья. Человек в лабиринте

© Agberg Ltd., 1969, 2002

© Galaxy Publishing Corporation, 1968, 1969

© Перевод. А. Бушуев, Т. Бушуева, 2020

© Перевод. О. Колесников, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Ночные крылья

Завоеватели

Сухопутный мост не широк, и в любое время его пропускная способность невелика; однако обычно движение шло по нему в обе стороны. Но сегодня, поскольку захватчики были близко, мы боялись идти вперед и, испуганно сбившись в кучки, наблюдали за приближением наших завоевателей.

Издалека мы увидели машину, в которой они ехали, – длинную, узкую, с толстыми гусеницами и маленькими окнами; поднимая облако пыли, она двигалась нам навстречу...

Посвящается Харлану, чтобы напомнить ему об открытых окнах, коварном течении реки Делаваэр, двуглавых четвертаках и прочих ловушках.

Часть 1

Ночные крылья

1

Роум – город, возведенный на семи холмах. Говорят, что в один из ранних циклов это была столица человечества. Я этого не знал, потому что моя гильдия была гильдией Наблюдателей, а не Летописцев. И все же, когда я впервые увидел его, в сумерках подойдя к нему с юга, я понял: в прежние времена это наверняка был великий город. Даже сейчас он поражал своими внушительными размерами и был населен многими тысячами душ.

Его костистые башни резко выделялись на фоне заката. Его мерцающие огни манили. По левую сторону от меня небо пылало великолепием красок заходящего солнца. Лазурные, пурпурные, малиновые полосы света змеились и переплетались друг с другом в вечернем танце, приносящем с собой тьму. Справа от меня мир уже поглотила чернота. Я попытался разглядеть семь холмов, но потерпел неудачу. И все же я знал: передо мной тот самый Великий Роум, в который ведут все дороги, и был исполнен благоговейного трепета и глубокого уважения к деяниям наших давно ушедших предков.

Мы устроили отдых на длинной прямой дороге, с расстояния глядя на Роум.

– Это хороший город, – сказал я. – Мы найдем там работу.

Рядом со мной Авлуэла взмахнула ажурными крыльями.

– И еду? – спросила она своим высоким, нежным голоском. – И кров? И вино?

– И это тоже, – сказал я. – Все, что ты назвала.

– Как долго мы шли, Наблюдатель? – спросила она.

– Два дня. И три ночи.

– Если бы я летела, это было бы быстрее.

– Для тебя, – уточнил я. – Ты бы оставила нас далеко позади и никогда больше бы нас не увидела. Тебе этого хотелось?

Она подошла ко мне и потерла грубую ткань моего рукава, а затем прижалась ко мне, словно кокетливая кошечка. Ее крылья развернулись в два широких тонких листа, сквозь которые просвечивал свет заката и вечерние огни города, размытые, искаженные, волшебные. Я почувствовал аромат ее полуночных волос. Я осторожно обнял ее стройное мальчишеское тело.

– Ты знаешь, что я хочу всегда быть с тобой, Наблюдатель. Всегда! – ответила она.

– Да, Авлуэла.

– Будем ли мы счастливы в Роуме?

– Мы будем счастливы, – ответил я, выпуская ее из объятий.

– Мы отправимся в Роум прямо сейчас?

– Думаю, нам следует подождать Гормона, – ответил я, покачав головой. – Он скоро вернется из разведки. – Я не хотел признаваться ей, что устал. Она была всего лишь ребенком семнадцати лет... что ей известно об усталости или возрасте? Я же был стар. Не такой древний, как Роум, но тем не менее.

– Пока мы ждем, – сказала она, – можно мне полетать?

– Полетай, конечно.

Я присел на корточки возле нашей повозки и погрел руки в тепле пульсирующего генератора. Авлуэла тем временем приготовилась к полету. Сначала она разделась, потому что у ее крыльев мало силы и она не может поднимать в воздух дополнительный груз. Изящным и ловким движением она стянула со своих крошечных стоп прозрачные пузырьки и освободи-

лась от малиновой курточки и мягких, пушистых леггинсов. Умирующий свет заката подсвечивал ее стройное тело. Как и у всех Воздухоплателей, оно не имело лишних тканей: ее груди были просто шишечками, ягодицы – плоскими, а бедра – такими худыми, что, когда она стояла прямо, между ними был промежуток в несколько дюймов. Могла ли она весить больше, чем квинтал? Лично я сомневаюсь. Глядя на нее, я как всегда почувствовал себя прикованной к земле массой грубой, отвратительной плоти, хотя я и не грузный человек.

На обочине дороги она присела на колени и, упираясь костяшками пальцев в землю и склонив голову, произнесла слова обычного ритуала Воздухоплателей. Она была ко мне спиной. Ее тонкие крылья затрепетали, наполняясь жизнью, и расправились вокруг нее, словно поднятые ветерком полы плаща. У меня с трудом укладывалось в голове, как такие слабенькие крылья могут поднять в воздух даже такое легчайшее создание, как Авлуэла.

Это не были крылья ястреба, а скорее, крылья бабочки – прозрачные, с прожилками, усеянные цветными крапинками, бирюзовыми, алыми, цвета черного дерева. Крепкая связка соединяла их с двумя плоскими мышечными подушечками под ее острыми лопатками; при этом у нее не было ни массивной грудины летающего существа, ни столь необходимой для полета упругой полосатой мускулатуры. О, я знаю, что, взлетая, Воздухоплатели используют нечто большее, нежели просто мышцы, что в их тайне есть некие мистические дисциплины. И все же я, Наблюдатель, скептически относился к более фантастическим гильдиям.

Авлуэла закончила свои заклинания. Она поднялась, поймала крыльями ветер и оторвалась на несколько футов от земли. Она зависла между землей и небом, и ее крылья неистово бились. Ночь еще не наступила, а крылья Авлуэлы были лишь ночными крыльями.

Днем она летать не могла: мощное давление солнечного ветра швыряло ее на землю. Сейчас же, между сумерками и темнотой, было не лучшее время для полета. В тусклом сумеречном свете я видел, как она устремилась на восток, отчаянно махая не только крыльями, но и руками. Ее маленькое острое личико было сосредоточенно-хмурым, на тонких губах застыли слова заклинания. Она сжалась в комок, затем резко вытянулась – голова в одну сторону, ноги в другую. Внезапно она зависла горизонтально, глядя вниз, на землю, и ее крылья отчаянно бились. Ввысь, Авлуэла! Ввысь!

И она устремилась ввысь, как будто одной только силой воли победив угасающий свет.

Я с истинным удовольствием следил за ее обнаженной фигуркой на фоне темноты. Я отчетливо видел ее, ибо глаза Наблюдателя зорки. В воздухе она казалась в пять раз выше своего роста, а ее крылья расправились на всю ширину, частично закрыв от меня башни Роума. Она помахала мне. Я послал ей воздушный поцелуй и предложил слова любви. Наблюдатели не женятся и не производят на свет детей, но Авлуэла была для меня как дочь, и я гордился ее полетом. Мы странствовали вместе уже год, после того как впервые встретились в Агюпте, и мне казалось, будто я знал ее всю мою долгую жизнь. Из нее я черпал силы. Я не знаю, что именно я значил для этой девушки и источником чего был для нее: безопасности, знаний, неразрывной связи с днями, предшествовавшими ее рождению. Мне оставалось лишь надеяться, что она любила меня так же, как я любил ее.

Теперь она была высоко. Она крутилась, парила, ныряла, совершала пируэты, танцевала. Ее длинные черные волосы струились вокруг ее головы. Ее тело казалось случайным придатком к двум огромным крыльям, которые блестели, пульсировали и сверкали в ночной тьме. Она устремлялась ввысь, упиваясь свободой от гравитации, я же чувствовал себя все более тяжелым и неуклюжим. Затем, словно этакая изящная ракета, она резко устремилась в направлении Роума. Передо мной промелькнули подошвы ее ног и кончики крыльев. Еще миг, и она исчезла из вида.

Я вздохнул и, чтобы согреть пальцы, сунул руки под мышки. Как такое может быть, что я озяб и продрог, тогда как обнаженная девушка, Авлуэла, могла радостно парить в небе?

Шел двенадцатый из двадцати часов, и я должен был вновь приступить к Наблюдению. Я подошел к повозке, открыл футляры, подготовил инструменты. Чехлы некоторых циферблатов пожелтели и выцвели. Стрелки индикаторов утратили светящееся покрытие. Пятна морской воды испортили корпуса приборов – напоминание о том, как в Земном Океане на меня напали пираты. Изношенные и потрескавшиеся, рычаги и узлы тотчас же откликнулись на мое прикосновение, стоило мне приступить к приготовлениям. Сначала Наблюдатель молится об обретении чистого и пронизательного разума. Затем создает внутреннюю связь с инструментами. Затем начинается само Наблюдение, выискивая на звездном небе врагов человечества. Таковы были мои умения и мое ремесло. Я крепко сжал ручки и рычаги, выбросил из головы все мысли и приготовился стать продолжением моего ящика с приборами.

Я успел лишь шагнуть за порог и вступить в первую фазу Наблюдения, когда чей-то глубокий, звучный голос окликнул меня сзади:

– Ну что, Наблюдатель, как дела?

Я без сил прислонился к повозке. Когда тебя внезапно отрывают от работы, испытываешь физическую боль. На мгновение мне в сердце как будто вцепились острые когти. Лицу стало жарко, глаза утратили фокус, во рту пересохло. Собравшись с силами, я принял надлежащие защитные меры, чтобы ослабить метаболическую утечку, и отделился от моих инструментов. Пытаясь по возможности скрыть дрожь, я обернулся.

Гормон, еще один член нашей маленькой компании, подошел ближе и с довольным видом встал рядом со мной.

Он улыбался, глядя на мои страдания, я же не мог злиться на него. Ни при каких обстоятельствах нельзя показывать вашу злость человеку, не состоящему ни в какой гильдии.

– Ты провел время с пользой? – спросил я, сделав над собой усилие.

– И с немалой. Где Авлуэла?

Я указал на небо. Гормон кивнул.

– Что выяснил? – спросил я.

– Что этот город – определенно Роум.

– В этом никогда не было ни малейших сомнений.

– У меня были. Но теперь у меня есть доказательства.

– Неужели?

– В кармане. Посмотри!

Из складок туники он вытащил походную торбу, положил ее на дорогу рядом со мной и раздвинул ее горловину ровно настолько, чтобы засунуть в нее обе руки. Негромко крикнув, он начал вытаскивать наружу что-то тяжелое – нечто вроде белого камня, – длинную мраморную колонну, как я теперь видел, с завитками, изрядно изъеденную временем.

– Из храма Имперского Роума! – торжествующе заявил Гормон.

– Тебе не следовало этого делать.

– погоди! – воскликнул он и снова полез в свою торбу. На этот раз он извлек горсть металлических кругляшков, которые бросил к моим ногам.

– Монеты! Деньги! Ты посмотри на них, Наблюдатель! На них лики Цезарей!

– Кого-кого?

– Древних правителей. Разве ты не знаешь историю прошлых циклов?

Я с любопытством посмотрел на него:

– Ты утверждаешь, что не состоишь ни в какой гильдии, Гормон. Может, ты Летописец и скрываешь это от меня?

– Посмотри на мое лицо, Наблюдатель. Разве я могу принадлежать к какой-нибудь гильдии? Разве туда примут Перерожденца?

– Ты прав, – согласился я, глядя на его толстую, как будто восковую, золотистого оттенка кожу, глаза с красными зрачками, искривленный рот. В детстве Гормона кормили тератогене-

тическими препаратами; он был мутантом, по-своему красивым, но тем не менее монстром, Перерожденцем, существом вне законов и обычаев человека, которые приняты в Третьем Цикле цивилизации. Для таких, как он, никаких гильдий не существует.

– Это еще не все, – продолжил Гормон. Его торба была бездонной; в случае необходимости в ее сморщенную серую пасть можно запихнуть целый мир, и все равно она останется размером с ладонь. Гормон извлек из нее обломки каких-то приборов, свитки, угловатую вещь из коричневого металла, не иначе как какой-то древний инструмент, три квадратика блестящего стекла, пять бумажек – бумажек! – и множество других допотопных вещей. – Видишь? – гордо сказал он. – Плодотворная прогулка, Наблюдатель! И это не просто случайная добыча. Все записано, все помечено – культурный слой, предполагаемый возраст, местоположение находок. Здесь у нас многие тысячелетия Роума.

– Имел ли ты право взять эти вещи? – с сомнением спросил я.

– Почему бы нет? Кто их хватится? Кому из этого цикла есть дело до прошлого?

– Летописцам.

– Чтобы делать свою работу, им не нужны предметы.

– Но зачем они тебе?

– Меня интересует прошлое, Наблюдатель. Пусть я и не состою ни в какой гильдии, у меня есть научные интересы. Что в этом такого? Ведь даже мутант может стремиться к знаниям, верно?

– Конечно, конечно. Стремись, если хочешь. Реализуй себя в чем хочешь. Это Роум. На рассвете мы войдем в него. Я надеюсь найти здесь работу.

– У тебя могут возникнуть трудности.

– Как так?

– Не сомневаюсь, что в Роуме и без тебя толпы Наблюдателей. Вряд ли там будет большой спрос на твои услуги.

– Я буду искать милости принца Роума, – сказал я.

– Принц Роума – суровый, холодный и жестокий человек.

– Ты с ним знаком?

Гормон пожал плечами.

– В некотором роде. – Он начал складывать свои находки обратно в походную торбу. – Впрочем, можешь рискнуть, Наблюдатель. Есть ли у тебя иной выбор?

– Нет, – ответил я. Гормон рассмеялся. Я даже не улыбнулся.

Гормон занялся изучением похищенных древностей. Если честно, его слова меня глубоко расстроили. Он казался таким уверенным в себе в этом полном неопределенности мире, этот изгой, Перерожденец, не состоящий ни в какой гильдии, монстр, не похожий на человека. Как он мог оставаться таким хладнокровным, таким спокойным? Он жил без забот, не тревожась о бедствиях, и издевался над теми, кто признавался в своем страхе. Гормон странствовал с нами уже девять дней, с тех пор как мы встретили его в древнем городе на юге, под вулканом на берегу моря. Я не предлагал ему присоединиться к нам. Он сам влился в нашу компанию, и я уступил просьбе Авлуэлы и согласился его взять. В это время года на дорогах темно и холодно, на них можно встретить множество опасных животных, и старику, путешествующему с девушкой, наверняка был смысл взять с собой сильного, мускулистого спутника, такого как Гормон. И все же бывали дни, когда я жалел, что взял его с нами, и сегодня был один из таких дней.

Я медленно вернулся к своим инструментам.

– Я помешал твоим Наблюдениям? – спросил Гормон, как будто до него это дошло только что.

– Да, помешал, – мягко сказал я.

– Извини. Тогда начни сначала. Я не буду тебе докучать.

И он одарил меня своей ослепительной кривой улыбкой, полной такого неподдельной искренности, что она затмила собой высокомерие его слов.

Я покрутил ручки, установил контакт с узлами, стал следить за показаниями приборов. Но я не вошел в режим Бдения, потому что чувствовал рядом с собой Гормона и боялся, что, несмотря на обещание не мешать мне, он в самый ответственный момент отвлечет мое внимание.

Наконец я отвернулся от прибора. Гормон стоял на противоположной стороне дороги, подняв голову и вытянув шею, чтобы разглядеть в небе Авлуэлу. Стоило мне повернуться к нему, как он вспомнил о моем присутствии.

– Что-то не так, Наблюдатель?

– Нет. Момент не благоприятен для моей работы. Я подожду.

– Скажи мне, – сказал он, – когда враги Земли действительно прилетят со звезд, твои инструменты сообщат тебе об этом?

– Надеюсь, что сообщат.

– А что будет потом?

– Тогда я оповещу Защитников.

– После чего труд всей твоей жизни завершится?

– Возможно, – ответил я.

– Зачем тогда нужна целая гильдия Наблюдателей? Почему бы не иметь один главный центр? Зачем кучка странствующих Наблюдателей перемещается с места на место?

– Чем больше векторов обнаружения, тем выше вероятность раннего оповещения о вторжении чужаков, – ответил я.

– Тогда отдельный Наблюдатель вполне может включить свои машины и ничего не заметить, если захватчик уже здесь.

– Такое тоже возможно. Поэтому мы и практикуем избыточность.

– Иногда мне кажется, что вы все доводите до крайности, – улыбнулся Гормон. – Ты действительно веришь, что вторжение состоится?

– Да, верю, – сухо ответил я. – Иначе вся моя жизнь была бы напрасной тратой времени.

– Но зачем инопланетянам Земля? Что у нас здесь имеется, кроме остатков древних империй? Как они поступят с несчастным Роумом? С Перрисом? С Джорслемом? Ведь это гибнущие города! Идиоты-принцы! Признай, Наблюдатель, что я прав: вторжение – это миф, и ты четыре раза в день совершаешь бессмысленные действия. Разве не так?

– Наблюдение – мое ремесло и моя наука. Глумление – твое. Каждый из нас обречен на что-то свое, Гормон.

– Прости, – сказал он с насмешливым смирением. – Тогда продолжай наблюдать.

– Я и продолжу.

Рассерженный, я вернулся к ящику с инструментами. Я решил не обращать внимания на любые помехи, какими бы жестокими они ни были. Звезды уже были видны. Я смотрел на мерцающие созвездия, и мой разум автоматически регистрировал великое множество миров. Давайте наблюдать, подумал я. Будем бдительны, несмотря на любых насмешников.

Я вошел в состояние полного Бдения.

Я вцепился в рукоятки приборов, впуская в себя волну энергии, и забросил свой разум на небеса в поиске враждебных существ. Какой экстаз! Какое невероятное великолепие!

Я, который никогда не покидал эту маленькую планету, странствовал теперь по черным пространствам пустоты, скользил от звезды к горящей звезде, видел планеты, вращающиеся, словно волчки. Я путешествовал по космосу, и на меня смотрели бесчисленные лица – какие-то без глаз, какие-то с их множеством. Мне была доступна вся сложность галактики, населенной огромным количеством живых существ. Я выслеживал возможные места скопления вражеской силы.

Я разглядывал буровые площадки и военные лагеря. Я искал, точно так же как делал это четыре раза в день всю свою взрослую жизнь, обещанных нам захватчиков, завоевателей, которые, в конце концов, должны вторгнуться в наш изрядно обветшавший мир.

Я ничего не нашел и, когда, потный и обессиленный, вышел из транса, то увидел, что на землю спускается Авлуэла.

Приземлилась она легко, как перышко. Гормон окликнул ее, и она, голая, побежала к нему, и ее маленькие грудки покачивались на бегу. Он обхватил ее хрупкую фигурку своими крепкими руками, и они обнялись, но не страстно, а радостно. Когда он отпустил ее, она повернулась ко мне.

– Роум! – захлебываясь восторгом, сообщила она. – Роум!

– Ты видела его?

– Я видела все! Тысячи людей! Свет! Бульвары! Рынок! Руины зданий, которым уже много-много циклов! О, Наблюдатель, как же прекрасен Роум!

– Гляжу, твой полет был удачным, – заметил я.

– Просто чудо!

– Завтра утром мы уже будем в Роуме.

– Нет, Наблюдатель, сегодня вечером, сегодня вечером! – Она была по-детски нетерпелива, ее лицо сияло волнением. – Нам осталось пройти совсем чуть-чуть! Смотри, он уже вон там!

– Сначала нам надо отдохнуть, – сказал я. – Мы же не хотим прийти в Роум, валясь с ног от усталости.

– Мы можем отдохнуть, когда придем туда, – возразила Авлуэла. – Пойдем! Собирай свои вещи! Ты ведь провел свое Наблюдение, верно?

– Да. Провел.

– Тогда вперед. В Роум! В Роум!

Я вопросительно посмотрел на Гормона. Наступила ночь, пришло время разбить лагерь и поспать несколько часов.

В кои веки Гормон поддержал меня.

– Наблюдатель прав, – сказал он Авлуэле. – Нам всем не мешает отдохнуть. Мы отправимся в Роум на рассвете.

Авлуэла надулась и даже сильнее, чем когда-либо, стала похожа на обиженного ребенка. Ее крылья поникли, ее недоразвитое тельце как будто сжалось. Она раздраженно сложила крылья, и те превратились в два горбика размером с кулак, и подняла одежду, которую перед полетом разбросала по дороге.

Пока мы разбивали бивуак, она оделась. Я раздал пищевые таблетки, после чего мы залезли в спальные мешки. Я погрузился в беспокойный сон. Мне приснилась Авлуэла на фоне рушащейся луны и летящий рядом с ней Гормон. За два часа до рассвета я встал и, пока остальные спали, провел свое первое Наблюдение зарождающегося нового дня. Затем я разбудил их, и мы двинулись к Роуму, легендарному имперскому городу.

2

Утренний свет был ярок и слепил глаза, как будто это был недавно созданный, молодой мир. Дорога была почти пуста. В наши дни люди почти не путешествуют, если только, как я, не странствуют по привычке и делам своей профессии. Время от времени мы отступали в сторону, чтобы пропустить колесницу какого-то представителя гильдии Мастеров, которую тянула дюжина безликих, запряженных рядами кастратов. За первые два часа нового дня мимо нас проехали четыре такие повозки, и каждая из них была закрыта и опечатана, чтобы скрыть горделивые лица сидящих в них Мастеров от глаз простого люда вроде нас. Мимо нас про-

ехали несколько груженных фургонов, а над нашим головами проплыло несколько летающих платформ. Однако большую часть пути дорога была полностью в нашем распоряжении.

Окрестности Роума несли на себе следы древности: отдельно стоящие колонны, фрагменты акведука, который вел из ниоткуда в никуда, порталы исчезнувших храмов. Это были руины самого древнего Роума, на которые наслоились останки Роума последующих циклов: крестьянские хижины, купола колодцев энергии, пустые коробки жилых высотных домов. Изредка нам попадался сгоревший каркас какого-нибудь древнего воздушного судна.

Гормон все внимательно разглядывал, время от времени подбирая разные образцы. Авлуэла молча смотрела на все это широко открытыми глазами. Мы шли до тех пор, пока перед нами не замаячили городские стены.

Они были из синего блестящего камня, аккуратно сложенные, высотой в восемь раз больше роста обычного человека.

Наша дорога пронзала стену сквозь арку. Ворота стояли открытыми настежь. Когда мы приблизились к ним, к нам вышла какая-то фигура. Необычайно высокого роста, человек этот был в капюшоне и маске и в строгом одеянии гильдии Пилигримов. К такому никто не подходит сам, но послушно шагают ему навстречу, если он делает знак подойти. Пилигрим поманил нас.

– Откуда вы? – спросил он сквозь решетчатое забрало маски.

– С Юга. Одно время я жил в Агюпте, затем прошел по Сухопутному мосту в Талью, – ответил я.

– Куда держишь путь?

– В Роум, ненадолго.

– Как идет Наблюдение?

– Как обычно.

– Тебе есть где остановиться? – спросил Пилигрим.

Я покачал головой.

– Мы полагаемся на доброту Воли.

– Воля не всегда добра, – рассеянно сказал Пилигрим. – Да и недостатка в Наблюдателях в Роуме тоже нет. Почему ты путешествуешь с Воздухоплавательницей?

– За компанию. И еще потому, что она молода и нуждается в защите.

– Кто твой второй спутник?

– Он без гильдии, Перерожденец.

– Это я вижу. Но почему он с тобой?

– Он сильный, а я старый, и поэтому мы путешествуем вместе. А куда идешь ты, Пилигрим?

– В Джорсле. Куда еще может держать путь человек моей гильдии?

Я пожал плечами, соглашаясь с ним.

– Не хочешь ли пойти со мной в Джорсле? – спросил Пилигрим.

– Теперь мой путь лежит на север. Джорсле же находится на юге, рядом с Агюптом.

– Ты был в Агюпте, но не был в Джорсле? – удивился он.

– Да. Для меня еще не пришло время увидеть Джорсле.

– Тогда давай, Наблюдатель, пойдем туда прямо сейчас. Будем вместе шагать по дороге, будем вести разговоры о минувших временах и о грядущих. Я буду помогать тебе в твоём Наблюдении, ты же поможешь мне в общении с Волей. Согласен?

Это было серьезное искушение. Перед моим взором всплыл образ Золотого Джорсле, его храмов и святилищ, его домов обновления, где старые обретают молодость, его шпилей и его молелен. Хотя я человек привычки и строгих правил, в тот момент я был готов махнуть рукой на Роум и отправиться вместе с Пилигримом в Джорсле.

– А мои спутники... – сказал я.

– Оставь их. Мне запрещено путешествовать с теми, кто не состоит в гильдиях, и я не хочу путешествовать с женщиной. В Джорслеке пойдем только мы с тобой, Наблюдатель, пойдем вдвоем.

Авлуэла – она стояла в сторонке и, нахмутив брови, слушала наш разговор – внезапно бросила на меня полный ужаса взгляд.

– Я не оставляю их, – заявил я.

– Тогда я пойду в Джорслеке один, – сказал Пилигрим.

Из его мантии выскользнула костлявая рука. Пальцы у него были длинные, белые и сильные. Я почтительно дотронулся до их кончиков, и Пилигрим сказал:

– Да будет Воля милосердна к тебе, друг Наблюдатель. И когда ты придешь в Джорслеке, найди меня.

Сказав это, он молча зашагал дальше по дороге.

– Ты бы пошел с ним, верно? – спросил Гормон.

– Я был готов к этому.

– Что можно найти в Джорслеке, чего нет здесь? Он священный город, но и этот – тоже. Здесь ты можешь немного отдохнуть. Ты слишком устал, чтобы идти дальше.

– Возможно, ты прав, – признал я и, собрав остатки сил, шагнул к воротам Роума.

Бдительные глаза пристально смотрели на нас сквозь бойницы в стене. Когда мы были на середине ворот, нас остановил толстый Страж с рябым лицом и отвисшей кожей и спросил, что нам нужно в Роуме. Я назвал свою гильдию и цель прихода, и рябой Страж презрительно фыркнул.

– Ступай куда-нибудь еще, Наблюдатель! Здесь требуются только нужные люди.

– Наблюдение приносит свою пользу, – мягко возразил я.

– Несомненно. Несомненно. – Он покосился на Авлуэлу. – А это кто? Наблюдатели безбрачны, разве нет?

– Она не более чем обычный попутчик.

Страж похотливо осклабился.

– Сдается мне, ты часто ходишь этим путем! Впрочем, не вижу, что ты в ней нашел. Сколько ей? Тринадцать? Четырнадцать? Подойди-ка сюда, детка. Хочу проверить тебя на предмет контрабанды. – Он быстро облапал ее тело, ощутив крошечную грудь, нахмурился, а когда нащупал пониже лопаток бугорки крыльев, удивленно выгнул бровь.

– Это как понимать? Ну и ну, сзади больше, чем впереди! Ты ведь Воздухоплавательница, верно? Грязное это дельце. Воздухоплавательница, а якшается с мерзкими старыми Наблюдателями. – Он усмехнулся и снова облапал тело Авлуэлы. Видя это, Гормон в гневе шагнул вперед, готовый убить его на месте. Я успел схватить его за запястье, удерживая на месте, чтобы он не погубил нас троих нападение на Стража. Перерожденец дернулся и чуть не опрокинул меня на землю, но затем успокоился и равнодушно наблюдал за тем, как толстяк закончил проверять Авлуэлу «на предмет контрабанды».

Наконец Страж с явным отвращением повернулся к Гормону.

– А ты кто такой? – спросил он.

– Я не состою в гильдиях, ваша милость, – резко ответил Гормон. – Смирный и ничемный продукт тератогенеза, но тем не менее свободный человек, желающий попасть в Роум.

– Разве нам здесь нужны новые монстры?

– Я ем мало, а работаю много.

– Ты бы работал еще больше, будь ты кастрирован, – сказал Страж.

Гормон был готов испепелить его взглядом.

– Так мы можем войти? – спросил я.

– Момент. – Страж надел свой нейрошлем и прищурился, передавая сообщение в резервуары памяти. Сначала его лицо напряглось от усилия, но затем обмякло, и через несколько

мгновений пришел ответ. Нам, разумеется, ничего не было слышно, но, судя по его разочарованному виду, не было найдено никаких оснований для отказа нам войти в Роум.

– Проходите, – сказал он. – Все трое. Быстро!

Мы прошли за ворота.

– Я мог бы разрубить его одним ударом, – сказал Гормон.

– И уже к вечеру был бы кастрирован. Немного терпения, и мы войдем в Роум.

– Ты вспомни, как он обращался с ней...

– Ты относишься к Авлуэле как собственник, – сказал я. – Помни, что она Воздухоплавательница, а не сексуально доступный объект для человека без гильдии.

Гормон проигнорировал мой укор.

– Она возбуждает меня не больше, чем ты, Наблюдатель. Но мне было больно видеть, как он с ней обращаются. Если бы ты не удержал меня, я бы его убил.

– Где мы остановимся, когда придем в Роум? – спросила Авлуэла.

– Сначала я должен найти представительство моей гильдии, – сказал я. – Я зарегистрируюсь в гостинице Наблюдателей. После чего мы поищем ложу Воздухоплавателей и попробуем получить там еду.

– А потом, – сухо заметил Гормон, – мы пойдем в Канаву Без Гильдии и будем просить милостыню.

– Мне жаль тебя, потому что ты Перерожденец, – сказал я ему, – но с твоей стороны не слишком красиво жалеть себя. Пойдем.

Мы зашагали по мощеной извилистой дороге, ведущей от ворот непосредственно в сам Роум. Мы были во внешнем кольце города, жилой его части, застроенной невысокими, приземистыми домами, на которых располагались громоздкие оборонительные сооружения. Во внутренней части города высились сверкающие башни, которые мы прошлой ночью видели с окрестных полей: остатки древнего Роума, бережно хранимые на протяжении более десяти тысяч лет; рынок, промышленная зона, коммуникационный узел, храмы Воли, резервуары памяти, ночлежки, бордели для чужестранцев, административные здания, представительства различных гильдий.

В углу, рядом со зданием эпохи Второго Цикла со стенами из чего-то похожего на резину, я нашел общедоступный нейрошлем и надел его. Мои мысли тотчас же понеслись по каналу связи и вскоре достигли интерфейса, который дал им доступ к одному из хранилищ резервуара памяти. Я внедрился в интерфейс и увидел сам морщинистый мозг, бледно-серый на фоне темно-зеленого цвета его корпуса. Один Летописец когда-то рассказывал мне, что в прошлые циклы люди строили машины, чтобы те думали за них, хотя эти машины были адски дорогими, требовали огромного пространства и пожирали уйму энергии.

Это было не худшим из безумств наших предков; но зачем строить искусственные мозги, когда смерть каждый день высвобождает множество великолепных естественных мозгов для подключения к резервуарам памяти? Или им не хватало знаний, чтобы ими воспользоваться? Лично мне в это верилось с трудом.

Я сообщил мозгу мою гильдию и запросил координаты нашей гостиницы. Ответ пришел моментально, и мы отправились туда. Авлуэла шагала с одной стороны от меня, Гормон с другой, я же, как всегда, катил тележку с моими инструментами.

Город был многолюден. Я не видел таких толп ни в сонном, знойном Агюпте, ни где-либо еще на моем пути на север. Улицы были полны Пилигримов, скрытных и замаскированных. Расталкивая толпы, прокладывая себе дорогу деловитые Летописцы и угрюмые Купцы, а изредка – паланкин какого-нибудь Мастера. Авлуэла увидела несколько Воздухоплавателей, но устав ее гильдии запрещает ей обмениваться с ними приветствиями, пока она не пройдет ритуальное очищение. С сожалением должен сказать, что мне встретилось немало Наблюдателей, но все они смотрели на меня неприветливо и даже с презрением. Я также заметил довольно

много Защитников, а также внушительное число представителей низших гильдий, таких как Торговцы, Сервиторы, Ремесленники, Писцы, Коммуниканты и Транспортёры. Естественно, толпы кастратов молча спешили мимо нас по своим немудрящим делам. Улицы также были наводнены многочисленными пришельцами самой разной наружности, которые в основном, вероятно, были туристами, однако часть этих созданий явно прибыла сюда для того, чтобы вести дела с хмурыми, обездоленными обитателями Земли. Заметил я и немало Перерожденцев, боязливо ковылявших среди толп людей. Ни один из них не шагнул, гордо расправив плечи, как шедший рядом со мной Гормон. Для представителя своего племени он был уникален. Остальные были пестрыми, пегими, кособокими, безрукими или безногими или же, наоборот, обросли лишними конечностями; деформированные самым причудливым, немыслимым образом – косоглазые, хромые, безъязыкие, горбатые. Это были карманники, осушители мозгов, торговцы органами, продавцы покаяния, старьевщики, и ни один не держал голову так гордо и высоко, как будто считал себя человеком.

Направление, данное мозгом, было точным. Менее чем через час мы добрались до гостиницы Наблюдателей. Я оставил Гормона и Авлуэлу снаружи и вкатил внутрь мою тележку.

В главном зале сидело около дюжины членов моей гильдии. Я как положено поприветствовал их, и они вяло ответили мне. Неужели это те, от кого зависит безопасность Земли? Простак и слабаки!

- Где я могу зарегистрироваться? – спросил я.
- Новичок? Откуда?
- Моим последним местом регистрации был Агюпт.
- Вот бы и оставался там. Здесь не нужны Наблюдатели.
- Где я могу зарегистрироваться? – повторил я свой вопрос.

Щеголеватый юнец указал на экран в задней части большой комнаты. Я подошел к нему, прижал кончики пальцев, ответил на вопросы и назвал свое имя, которое Наблюдатель может сообщить только другому Наблюдателю и только в стенах гостиницы. Открылась панель, и заспанный человек с эмблемой Наблюдателя на правой щеке, а не на левой, что означало его высокий ранг в гильдии, произнес мое имя и сказал:

- Ты зря пришел в Роум. Наша квота здесь давно превышена.
- Тем не менее я прошу жилье и работу.
- С твоим чувством юмора тебе стоило бы родиться в гильдии Клоунов, – ответил он.
- Я не вижу ничего смешного.

– Согласно законам, принятым нашей гильдией на самой последней сессии, гостиница не обязана принимать новых жильцов, как только она заполняется до разрешенного уровня вместимости. Мы достигли разрешенного уровня. Прощай, мой друг.

Его слова повергли меня в ужас.

– Я не знаю такого правила! Это немыслимо! Чтобы гильдия отказала своему члену в койке в ее собственной гостинице, когда он прибывает, уставший и сбивший ноги! Человек моего возраста, прошедший по Сухопутному Мосту из Агюпта, в Роуме чужак, голодный и без крыши над головой...

- Почему ты заранее не спросил у нас?
- Я понятия не имел, что это необходимо.
- Новые правила...

– Да сокрушит Воля новые правила! – крикнул я. – Я требую жилья! Не пустить того, кто вел Наблюдение еще до того, как ты появился на свет...

– Полегче, брат, полегче.

– Безусловно, у вас найдется угол, где я могу спать... горсть крошек, чтобы поддержать мои силы.

Хотя мой тон смягчился от возмущения до мольбы, безразличие на его лице сменилось обычным презрением.

– У нас нет места. У нас нет еды. Ты знаешь, для нашей гильдии настали тяжелые времена. Поговаривают, что мы будем распущены как бесполезная роскошь, бесцельно истощающая ресурсы Воли. Мы крайне ограничены в наших возможностях. В Роуме избыток Наблюдателей, и мы все сидим здесь на голодном пайке, и если мы примем тебя, то наши порции станут еще меньше.

– Но куда мне пойти? Что мне делать?

– Советую тебе положиться на милость принца Роумского, – спокойно произнес он.

3

Выйдя наружу, я рассказал об этом Гормону. Тот от смеха согнулся пополам и хохотал так яростно, что сухожилия на его худых щеках заалели, как кровавые рубцы.

– Милость принца Роумского! – повторял он. – Милость принца Роумского!

– У всех отверженных принято обращаться за помощью к местному правителю, – холодно заметил я.

– Принц Роума не ведает милости, – сказал мне Гормон. – Принц Роума, чтобы утолить твой голод, скормит тебе твои собственные конечности!

– Может, – сказала Авлуэла, – нам стоит попытаться найти ложу Воздухоплателей. Нас там накормят.

– Но не Гормона, – заметил я. – У нас есть обязательства друг перед другом.

– Мы могли бы вынести ему еды, – сказала она.

– Я предпочел бы сначала побывать при дворе, – настаивал я. – Давайте обеспечим себе статус. После чего, если понадобится, мы сможем что-то придумать с жильем.

Она не стала спорить, и мы отправились во дворец принца. Массивное здание с огромной, обрамленной колоннами площадью перед ним стояло на противоположной стороне реки, разделяющей город на две части. На площади к нам все время приставали всякие нищие, некоторые даже из числа пришельцев из других миров. Ко мне, требуя подаяния, подскочило какое-то существо с длинными шупальцами и изъязвленным, безносым лицом и не отставало до тех пор, пока Гормон не оттолкнул его. Увы, буквально через несколько секунд второе, не менее странное существо, покрытое блестящими язвами и с усыпанными глазами конечностями, обняло мои колени и во имя Воли попросило милосердия.

– Я всего лишь бедный Наблюдатель, – объяснил я, указывая на свою тележку, – я и сам здесь, чтобы добиться милости.

Но существо вцепилось в меня, всхлипывая, пытаясь разжалобить своими несчастьями, гнусавя невнятным, птичьим голосом, и в конце концов, к великому неудовольствию Гормона, я бросил в мешочек на его груди несколько пищевых таблеток. Работая локтями, мы кое-как проложили себе путь к двери дворца. В портике нашим взглядам предстало еще более ужасное зрелище: искалеченный Воздухоплатель, чьи хрупкие конечности были согнуты и вывернуты. Одно его крыло было наполовину раскрыто и сильно обрезано, другое отсутствовало полностью. Он бросился к Авлуэле, назвав ее чужим именем, оросил ее легинсы слезами, столь обильными, что их мех слипся и покрылся мокрыми пятнами.

– Заплати за меня... дай денег на жилье, – умолял он ее. – Они отвергли меня, потому что я искалечен, но если ты заплатишь за меня...

Авлуэла объяснила, что ничем не может ему помочь, что она незнакома с этой ложей. Искалеченный Воздухоплатель не отпускал ее, и Гормон с великой осторожностью, словно горсть высохших костей, поднял его и отставил в сторону. Мы вошли под своды портика и

сразу же столкнулись с троицей женоподобных кастратов. Спросив нас о цели нашего прихода, те быстро отвели нас к следующему барьеру, который охраняла пара опытных Индексаторов.

Говоря в унисон, они спросили, зачем мы пришли.

– Мы просим аудиенции, – сказал я. – Милосердия ради.

– Аудиенция через четыре дня, – ответил Индексатор, стоявший справа. – Мы внесем ваш запрос в списки.

– Нам негде спать! – выкрикнула Авлуэла. – Мы голодны! Мы...

Я велел ей замолчать. Тем временем Гормон принялся что-то искать в своем кармане. В его руке блеснуло что-то яркое: золотые монеты, вечный металл с чеканными ястребиными, бородатыми профилями. Он нашел их, копаясь в руинах. Он бросил одну монету Индексатору, который только что отказал нам. Тот поймал ее на лету, потер пальцем ее блестящую лицевую сторону и мгновенно спрятал в складках одежды.

Второй Индексатор выжидал. Улыбаясь, Гормон дал монету и ему.

– Возможно, – сказал я, – нам удастся получить специальную аудиенцию внутри.

– Возможно, и удастся, – ответил один из Индексаторов. – Проходите.

И мы прошли в неф самого дворца и оказались в просторном, гулком вестибюле. Мы стояли, глядя на центральный проход, ведущий в сторону отгороженного тронного зала в апсиде. Здесь было еще больше нищих, имеющих официальное наследственное разрешение на милостыню, а также толпы Пилигримов, Коммуникантов, Летописцев, Музыкантов, Писцов и Индексаторов. Я слышал бормотание молитв. Я чувствовал запах курящегося ладана. Я ощущал вибрацию подземных гонгов. В прошлых циклах это здание было святилищем одной из древних религий – религии Христов, как сообщил мне Гормон, – что заставило меня еще раз заподозрить, что он Летописец, выдающий себя за Перерожденца, – и все еще отчасти сохраняло свой сакральный характер, хотя и служило теперь резиденцией светской власти Роума. Но как же нам увидеться с принцем? Слева от меня я заметил небольшую, богато украшенную часовню, в которую медленно входила вереница преуспевающих Купцов и Землевладельцев. Посмотрев мимо них, я заметил три черепа, установленных на переговорном устройстве – входе в резервуар памяти, – а рядом с ними здорового Писца. Велев Гормону и Авлуэле подождать меня в проходе, я присоединился к очереди.

Та двигалась медленно. Прошел почти час, прежде чем я добрался до опросного устройства. Черепа незряче смотрели на меня. Внутри каждой запечатанной черепной коробки пузырились и булькали питательные жидкости, омывая мертвые, но все еще действующие мозги, чьи миллиарды миллиардов синапсов теперь служили превосходными мнемоническими устройствами. Писец, как мне показалось, пришел в ужас от того, что увидел в этой очереди Наблюдателя, но, прежде чем он успел что-то сказать, я выпалил:

– Я пришел как чужестранец просить милости принца. Я и мои спутники не имеем крыши над головой. Моя собственная гильдия отказала мне. Что же мне делать? Как я могу получить аудиенцию?

– Приходи сюда через четыре дня.

– Я спал у дороги гораздо больше дней. Теперь мне нужен нормальный отдых.

– Общественная гостиница...

– Но я член гильдии! – запротестовал я. – Общественные гостиницы не впустят меня, поскольку моя гильдия имеет здесь свою гостиницу, а моя гильдия отказывает мне из-за какого-то нового правила, и... теперь ты видишь мое бедственное положение?

– Ты можешь подать прошение об особой аудиенции, – усталым голосом произнес Писец. – В ней будет отказано, но ты все равно можешь его подать.

– Куда?

– Вот сюда. Назови цель своего прихода.

Я сообщил черепам мое официальное обозначение, назвал имена и статус двух моих спутников и объяснил суть моего дела. Все это было принято и передано в ряды мозгов, установленных где-то в глубине города, и, когда я закончил, Писец сказал:

– Если заявка будет одобрена, тебя уведомят.

– А где же мне ночевать?

– Я бы предложил рядом с дворцом.

Я его понял. Он предлагал мне присоединиться к легиону несчастных, заполонивших площадь. Сколько из них обратились к принцу с прошением об особой милости и все еще были там, месяцы или годы спустя, ожидая, когда их вызовут в Присутствие? Спящих на камнях, выклянчивающих корки, прозябавших в глупой надежде!

Но я исчерпал мои возможности. Я вернулся к Гормону и Авлуэле, рассказал им о ситуации и предложил попытаться найти любое жилье, какое только попадется. Не состоявшего ни в какой гильдии Гормона наверняка пустят в любую из убогих общественных гостиниц, предназначенных для таких, как он. Авлуэла могла бы найти место на постоялом дворе своей гильдии. Лишь мне одному придется спать под открытым небом, Впрочем, не в первый раз. Но я надеялся, что нам не придется расстаться. Я уже считал нас одной семьей, хотя для Наблюдателя это была странная мысль.

Мы уже направлялись к выходу, когда мои часы мягко напомнили мне, что вновь наступил час Наблюдения. Это был мой долг и моя привилегия – независимо от обстоятельств, где бы я ни находился, всякий раз, когда наступал мой час, вести Наблюдение. Поэтому я остановился, открыл тележку и привел в действие мои приборы. Гормон и Авлуэла стояли рядом со мной. Я видел ухмылки и откровенное издевательство на лицах тех, что проходили во дворец и выходили из него. Наблюдатели не пользовались всеобщим уважением, ибо мы наблюдаем давно, а обещанный враг так и не появился.

Тем не менее у каждого есть свой долг, пусть даже другим он может показаться смешным. То, что для одних пустой ритуал, может быть делом жизни для других. Я упрямо ввел себя в состояние Бдения. Мир вокруг меня как будто исчез, и я вознесся к небесам. Знакомая радость охватила меня: я осматривал знакомые места, и те, что были мне не очень знакомы, и мой взвихренный разум, как безумный, огромными скачками переносился от галактики к галактике. Собралась ли где-то армада кораблей? Готовит ли враг силы к завоеванию Земли? Я вел свои Наблюдения четыре раза в день. Другие члены моей гильдии делали то же самое, хотя и в иной час, так что ни один момент не проходил без дежурства бдительного разума. Я не считал мое призвание бессмысленным.

Я уже почти вышел из состояния транса, когда чей-то резкий голос прокричал:

– ...принцу Роума! Дорогу принцу Роума!

Я моргнул, отдышался и попытался стряхнуть с себя последние остатки сосредоточенности. Покачиваясь на плечах фаланги кастратов, из дальней части дворца появился позолоченный паланкин и поплыл по нефу прямо ко мне. По обеим сторонам паланкина вышагивали четверо мужчин в элегантных нарядах и блестящих масках гильдии Мастеров, а перед ними шли три Перерожденца, приземистых и широкоплечих. Горло каждого было переделано так, чтобы издавать звук, похожий на лягушачье кваканье. Шагая, они издавали торжественные трубные ноты. Мне показалось странным, что принц держит на службе Перерожденцев, пусть даже таких одаренных, как эти.

Моя тележка стояла на пути этой великолепной процессии. Я поспешно попытался закрыть ее и отодвинуть в сторону, прежде чем идущие натолкнутся на меня. Возраст и страх стали причиной того, что мои пальцы дрожали, и я не сумел правильно сложить инструменты. И пока я неуклюже пытался закрыть свой ящик, напыщенные Перерожденцы подошли уже так близко, что рев их глоток оглушил меня. Гормон попытался помочь мне, но я был вынужден возмущенно зашипеть на него, ибо прикасаться к приборам может лишь член моей гильдии.

Я оттолкнул его, а в следующий миг на меня обрушился авангард Кастратов, дабы отогнать меня прочь сверкающими кнутами.

– Во имя Воли! – крикнул я. – Я Наблюдатель!

Неожиданно за их спинами раздался низкий, спокойный, величественный голос:

– Отпустите его. Он Наблюдатель.

Все движение разом прекратилось. Это был голос принца Роума.

Кастраты отступили. Перерожденцы умолкли. Носильщики опустили паланкин на пол. Все, кто находился в нефе дворца, попятились, кроме Гормона, Авлуэлы и меня. Мерцающие шторы паланкина раздвинулись. Двое Мастеров поспешили вперед и протянули руки сквозь внутренний звуковой барьер, предлагая монарху свою помощь. Барьер с легким жужжанием отключился.

Из паланкина показался принц Роума.

Он был так молод! Почти мальчишка – густые, темные волосы, на лице ни морщинки. Но он был рожден, чтобы править, и, несмотря на свою молодость, был столь же властным, как и любой правитель. Его тонкие губы были плотно поджаты; его орлиный нос был острым и агрессивным; глаза, глубокие и холодные, были подобны бездонным колодцам. Облачен он был в усыпанные драгоценными камнями одежды гильдии Доминаторов, но на его щеке был вырезан двойной крест Защитников, а на шее завязан темный платок Летописца. Доминатор может вступить в любое количество гильдий, в какое он пожелает, и для Доминатора было бы странно не быть Защитником. Но меня удивило, когда я увидел, что принц, ко всему прочему, еще и Летописец. Обычно эта гильдия не для жестоких.

Он без особого интереса посмотрел на меня и сказал:

– Странное место ты выбрал для своего Наблюдения, старик.

– Час выбрал это место, сир, – ответил я. – Я оказался здесь, и долг заставил меня приступить к Наблюдению. Откуда мне было знать, что ты вот-вот пройдешь здесь.

– Твои Наблюдения не обнаружили врагов?

– Нет, сир.

Я уже было собрался испытать судьбу и, воспользовавшись моментом, попросить принца о помощи, но, пока я стоял там, его интерес ко мне угас, как догоревшая свеча, и я не посмел воззвать к нему, тем более что он отвернул голову. Нахмурившись, он пристально посмотрел на Гормона и потянул себя за подбородок. Затем его взгляд упал на Авлуэлу. Его глаза тотчас вспыхнули. Мышцы челюсти дернулись, тонкие ноздри раздулись.

– Подойди сюда, маленькая Воздухоплавательница, – сказал он, маня ее к себе. – Ты знакомая этого Наблюдателя?

Авлуэла испуганно кивнула.

Принц протянул руку и схватил ее за тонкое запястье. Авлуэла скользнула к паланкину, и молодой Доминатор с такой злобной усмешкой, что та казалась пародией даже на злобу, провел ее сквозь занавес. Пара Мастеров мгновенно восстановила звуковой барьер, но процессия не сдвинулась с места. Я стоял онемев. Гормон тоже застыл на месте. Его мощное тело напряглось и как будто одеревенело. Я откатил свою тележку в менее заметное место. Тянулись долгие мгновения. Деликатно отведя взгляды от паланкина, придворные молчали.

Наконец занавес раздвинулся вновь. Авлуэла, шатаясь, шагнула наружу. Ее лицо было бледным, она часто моргала, как будто пыталась понять, где она. На щеках блестели полоски пота. Она едва не упала, но один из кастратов подхватил ее и поставил на ноги. Под курткой крылья Авлуэлы частично распрямились, сделав ее похожей на горбунью, и это подсказало мне, что сейчас она пребывает в состоянии сильного эмоционального шока. Дрожа всем телом и покачиваясь на неверных ногах, она подошла к нам. Не говоря ни слова, она посмотрела на меня и бросилась на широкую грудь Гормона.

– Принц даровал нам ночлег в дворцовой гостинице! – хрипло прошептала Авлуэла, когда процессия вышла на улицу.

4

Обслуга гостиницы, конечно, не поверила нам.

Гостей принца размещали в гостинице, располагавшейся в задней части дворца в небольшом саду с кустами молочая и цветущими папоротниками. Обычными ее постояльцами были Мастера и изредка Доминаторы. Иногда места в ней достаивался Летописец, выполнявший то или иное важное исследование, или какой-нибудь высокопоставленный Защитник, занимающийся стратегическим планированием. Поселить в дворцовой гостинице Воздухоплавательницу было верхом странности; увидеть в этих стенах Наблюдателя было крайне маловероятным; появление же в этих стенах Перерожденца или другого человека вне гильдии было вообще делом неслыханным. Поэтому, когда мы представились, встретившие нас Сервиторы сначала восприняли все как шутку. Впрочем, веселье быстро сменилось раздражением и в конечном итоге презрением.

– Убирайтесь прочь! – сказали они нам. – Подонки! Мерзкие отбросы!

– Право поселиться здесь нам даровал сам принц, и вы не смеее отказать нам, – заявила Авлуэла серьезным тоном.

– Прочь! Убирайтесь!

Кривозубый Сервитор достал дубинку-парализатор и стал угрожающе тыкать ею в лицо Гормону, отпуская мерзкие замечания по поводу его изгойства. Не обращая внимания на болезненный удар током, Гормон выбил дубинку из его рук, пнул ногой в живот, так что его обидчик сложился пополам и рухнул, захлебываясь рвотой. Откуда-то из недр гостиницы тотчас выбежала толпа кастратов. Гормон схватил одного из Сервиторов и швырнул его в их гущу. Тотчас образовалась куча-мала. Дикие крики и злобные проклятия привлекли внимание одного почтенного Писца. Он вразвалочку подошел к двери, рывкнул на Сервиторов, требуя, чтобы те умолкли, и сурово допросил нас.

– Твои слова легко проверить, – сказал он, когда Авлуэла поведала ему нашу историю. – Быстро отправь мысль Индексаторам! – презрительно бросил он Сервитору.

В конце концов недоразумение было улажено, и нас впустили. Нам отвели отдельные, но смежные комнаты. Никогда еще я не видел такой роскоши и, возможно, никогда больше не увижу.

Комнаты были просторные, с высоким потолком. Войти в них можно было через телескопические воронки, настроенные на индивидуальную теплоотдачу, что гарантировало постояльцам уединение. Свет включался от малейшего кивка – свисавшие с потолка шары и полусферы на стенах были спикулами рабосвета с одной из планет Яркой звезды, выдрессированные посредством боли выполнять такие команды. Окна открывались и закрывались по желанию жильца. Когда ими не пользовались, их закрывали узкие полоски квазиразумной инопланетной марли, которые не только выполняли роль украшений, но и служили источником восхитительных ароматов в соответствии с затребованными образцами. Комнаты были также снабжены индивидуальными нейрошлемами, подсоединенными к основным резервуарам памяти. Они также позволяли при необходимости вызывать Сервиторов, Писцов, Индексаторов или Музыкантов. Конечно, человек моей скромной гильдии не осмелился бы беспокоить других людей из опасения прогневить их, да и в любом случае мне не было в том необходимости.

Я не спрашивал Авлуэлу, что произошло в паланкине принца и почему мы удостоились подобной щедрости. Впрочем, я легко мог догадаться, как и Гормон, чья едва сдерживаемая ярость служила красноречивым свидетельством его невысказанных чувств к моей бледной, хрупкой маленькой Воздухоплавательнице.

Итак, мы поселились. Я поставил свою тележку рядом с окном, задрапировал ее марлей и подготовил к следующему сеансу Наблюдения. И пока я смывал с тела накопившуюся грязь, вмурованные в стену существа ублажали мой слух пением. Совершив омовение, я поел. Затем ко мне пришла Авлуэла, освеженная и отдохнувшая, и села рядом со мной в моей комнате, и мы с ней стали делиться рассказами о нашей жизни.

Гормон долго не появлялся. Я было подумал, что он, возможно, вообще ушел из гостиницы, найдя здешнюю атмосферу слишком утонченной, и решил поискать общества себе подобных изгоев. Но в сумерках мы с Авлуэлой вышли в уединенный двор гостиницы и поднялись на пандус, чтобы понаблюдать за появлением звезд на небе Роума, и там наткнулись на Гормона. Впрочем, он был не один. С ним был тощий, долговязый человек с платком Летописца на шее. Они о чем-то тихо разговаривали.

– Наблюдатель, познакомься с моим новым другом, – кивнув, сказал мне Гормон.

Тощий потрогал свой платок.

– Я Летописец Базиль, – произнес он голосом тонким, как фреска, которую соскребли со стены. – Я пришел из Перриса, дабы постичь тайны Роума. Я намерен прожить здесь много лет.

– У Летописца много прекрасных историй, – сказал Гормон. – Он входит в число первых в своей гильдии. Когда вы подошли к нам, он описывал мне методы, с помощью которых раскрывается прошлое. Видите ли, они прокладывают траншею в культурных слоях Третьего Цикла и с помощью вакуумных установок извлекают из глубин молекулы земли, чтобы обнажить древние пласты.

– Мы нашли катакомбы Имперского Роума, – сказал Базиль, – и обломки Эпохи Перемен, книги на пластинах белого металла, написанные ближе к концу Второго Цикла. Все это отправляется в Перрис для исследования, классификации и расшифровки. Затем эти образцы возвращаются. Тебе интересно прошлое, Наблюдатель?

– До известной степени, – улыбнулся я. – Этот Перерожденец проявляет к нему гораздо больший интерес, чем следовало бы. Порой я подозреваю, что он не тот, за кого себя выдает. Ты бы узнал замаскированного Летописца?

Базиль смерил Гормона оценивающим взглядом – его причудливые черты лица, его чрезмерно мускулистое тело.

– Нет, он не Летописец, – сказал он наконец. – Но я согласен, что у него есть интерес к древностям. Он задал мне немало глубоких вопросов.

– Каких же?

– Ему интересно знать происхождение гильдий. Он спрашивает, как звали генетического хирурга, который создал первых способных давать потомство Воздухоплателей. Он задается вопросом, почему существуют Перерожденцы и действительно ли на них лежит проклятие Воли?

– А у тебя есть ответы на эти вопросы? – спросил я.

– На некоторые, – признался Базиль. – Лишь на некоторые.

– О происхождении гильдий?

– Дабы придать упорядоченность и смысл обществу, потерпевшему поражение и упадок, – сказал он. – В конце Второго Цикла все перемешалось. Ни один человек не знал ни своего места, ни своего предназначения. По нашему миру шагали надменные пришельцы, считавшие всех нас ничтожествами. Необходимо было установить некие твердые ориентиры, помогавшие человеку осознать свою ценность по сравнению с другими. Так появились первые гильдии: Доминаторы, Мастера, Купцы, Землевладельцы, Торговцы и Сервиторы. Затем к ним добавились Писцы, Музыканты, Клоуны и Транспортеры. Впоследствии стали нужны Индексаторы, затем Наблюдатели и Защитники. Когда Годы Магии дали нам Воздухоплателей и Перерожденцев, были добавлены и эти гильдии, а затем появились и те, кто не входил ни в какие в гильдии, кастраты, для того чтобы...

– Но ведь Перерожденцы тоже не имеют гильдии! – сказала Авлуэла.

Летописец впервые удостоил ее взглядом:

– Кто ты, дитя?

– Воздухоплавательница Авлуэла. Я путешествую с этим Наблюдателем и этим Перерожденцем.

– Как я здесь рассказывал Перерожденцу, – сказал Базиль, – в те давние времена подобные ему имели свою отдельную гильдию. Гильдия была распущена тысячу лет назад по приказу Совета Доминаторов после попытки бесчестной группировки Перерожденцев взять под контроль святые места Джорслема, и с того времени они не имеют гильдии, занимая место чуть выше Кастратов.

– Я никогда не слышал об этом, – признался я.

– Ты не Летописец, – самодовольно сказал Базиль. – Это наше ремесло – открывать прошлое.

– Верно. Верно.

– А сегодня сколько гильдий? – спросил Гормон.

– По крайней мере, сто, мой друг, – неопределенно ответил Базиль. – Одни довольно малочисленны, другие существуют лишь в отдельных местах. Я изучаю лишь самые первые гильдии и их непосредственных преемников. То, что произошло за последние несколько сотен лет, составляет область интереса других исследователей. Мне запросить для тебя информацию?

– Не бери в голову, – сказал Гормон. – Это было всего лишь праздное любопытство.

– Твое любопытство неплохо развито, – заметил Летописец.

– Просто я нахожу мир и все, что в нем есть, чрезвычайно увлекательным. Разве это греховно?

– Странно, – сказал Базиль. – Не состоящие в гильдиях редко выходят за пределы своих собственных горизонтов.

Их разговор прервал Сервитор. С благоговейным трепетом он остановился перед Авлуэлой и сказал:

– Принц вернулся. Он желает твоего общества во дворце, прямо сейчас.

В глазах Авлуэлы мелькнул ужас. Но отказаться было невыносимо.

– Я должна пойти с тобой? – спросила она.

– Пожалуйста. Ты должна быть одета и надушена. Он также желает, чтобы ты пришла к нему с развернутыми крыльями.

Авлуэла кивнула. Сервитор повел ее прочь.

Мы еще немного постояли на пандусе. Летописец Базиль рассказывал о прошлом Роума. Я слушал, а Гормон всматривался в сгущавшуюся тьму. В конце концов у Летописца пересохло горло. Он извинился и величаво удалился. Несколько мгновений спустя во дворе под нами открылась дверь, и появилась Авлуэла. Она шла пошатываясь, как будто состояла в гильдии Сомнамбулистов, а не Воздухоплавателей. Она была голой под прозрачными одеждами, и в свете звезд ее хрупкое тело казалось призрачно-белым. Ее крылья были расправлены и медленно трепетали, словно в такт ударам сердца. Один Сервитор взял ее за локти. Казалось, ее толкали к дворцу, словно она была лишь призрачным подобием самой себя, а не настоящей женщиной.

– Улетай, Авлуэла, улетай! – прорычал Гормон. – Беги отсюда, пока это возможно!

Она скрылась в боковом входе во дворец.

Гормон посмотрел на меня:

– Она продала себя принцу, чтобы дать нам крышу над головой.

– Похоже на то.

– Я мог бы разнести в щепки этот дворец!

– Ты ее любишь?

– По-моему, это очевидно.

– Успокойся, – посоветовал я. – Ты необычный человек, но все же Воздухоплавательница не для тебя. Особенно та, что делила ложе с принцем Роума.

– Она идет к нему из моих рук.

Я был сражен наповал его признанием:

– Ты познал ее?

– Не раз, – ответил он с печальной улыбкой. – В момент экстаза ее крылья дрожат, как листья в бурю.

Чтобы не свалиться во двор, я схватился за перила пандуса. Звезды кружились над головой, старая луна и два ее спутника подпрыгивали и качались. Я был потрясен, хотя и не понимал причину своего состояния. Был ли это гнев на Гормона за то, что этот наглец осмелился нарушить букву закона? Или проявлением моих псевдоотцовских чувств к Авлуэла? Или же обыкновенная зависть к Гормону за то, что тот осмелился совершить грех, на который я не способен физически, хотя в душе желал его?

– Они могут выжечь за это твой мозг, – сказал я. – Могут перемолоть твою душу. И вот теперь ты делаешь меня соучастником.

– Что из этого? Принц повелевает и получает свое – но до него там побывали и другие. Я должен был сказать кому-то.

– Хватит. Довольно.

– Мы увидим ее снова?

– Принцы быстро устают от своих женщин. Несколько дней, а может, даже всего одна ночь – и он вышвырнет ее за дверь. И тогда, думается мне, нам придется покинуть эту гостиницу, – вздохнул я. – По крайней мере, мы узнаем это через несколько ночей, хотя это и дольше, чем мы заслужили.

– Куда ты пойдешь потом? – спросил Гормон.

– Останусь еще некоторое время в Роуме.

– Даже если тебе придется спать на улице? Похоже, здесь нет особого спроса на Наблюдателей.

– Как-нибудь переживу, – ответил я. – А потом отправлюсь в Перрис.

– Учиться у Летописцев?

– Чтобы увидеть Перрис. А ты? Что тебе нужно в Роуме?

– Авлуэла.

– Довольно, хватит об этом!

– Уговорил, – ответил Перерожденец с горькой улыбкой. – Но я останусь здесь до тех пор, пока принц не пресытится ею. Тогда она будет моей, и мы найдем способ выжить. Люди вроде меня весьма находчивы. Нужда заставляет нас быть такими. Возможно, мы на какое-то время найдем жилье в Роуме, а затем последуем за тобой в Перрис. Если, конечно, ты готов путешествовать вместе с уродливыми мутантами и неверными Воздухоплавательницами.

Я пожал плечами:

– Увидим, когда придет время.

– Тебе когда-нибудь доводилось бывать в обществе Перерожденца?

– Нечасто. И недолго.

– Для меня это великая честь. – Он побарабанил пальцами по парапету. – Не прогоняй меня, Наблюдатель. У меня есть причина, чтобы остаться с тобой.

– Какая?

– Хочу увидеть твое лицо в тот день, когда твои машины скажут тебе, что вторжение на Землю началось.

Я понурил плечи.

- Тогда ты останешься со мной надолго.
- Разве ты не веришь, что вторжение неминуемо?
- Когда-нибудь. Не скоро.

Гормон усмехнулся.

- Ошибаешься. Вторжение уже у порога.
- Не смешно.

– Что такое, Наблюдатель? Или ты утратил веру? Это известно уже тысячу лет: инопланетная раса жаждет захватить Землю. Она владеет ею по договору и когда-нибудь придет, чтобы ее заполнить. Так было условлено в конце Второго Цикла.

– Я отлично это знаю, но я не Летописец. – Затем я повернулся к нему и произнес слова, которые никогда не думал произносить вслух: – В два раза больше лет, чем ты прожил на свете, Гормон, я слушал звезды и вел Наблюдение. Если часто что-то делать, это теряет смысл. Произнеси свое имя десять тысяч раз, и оно превратится в пустой звук. Я наблюдал, и наблюдал усердно, но в темные часы ночи мне иногда кажется, что я наблюдал зря, что я впустую потратил свою жизнь. Наблюдение доставляет мне удовольствие, но, возможно, в нем нет никакой необходимости.

Его рука сжала мое запястье.

– Твое признание столь же ужасно, как и мое. Храни свою веру, Наблюдатель. Вторжение произойдет!

- Откуда ты можешь это знать?
- У таких, как я, есть свои секреты.

Разговор тревожил меня.

- Тяжело ли быть таким, как ты? Без гильдии? – спросил я.

– Со временем привыкаешь. В этом даже есть свои преимущества, которые восполняют отсутствие статуса. Я могу свободно говорить со всеми.

- Я это заметил.

– Я свободно передвигаюсь. Я всегда знаю, что найду еду и жилье, хотя еда может быть подпорченной, а жилье плохим. Женщины тянутся ко мне вопреки всем запретам. Или же благодаря им. Я не обременен тщеславными помыслами.

- И тебе никогда не хотелось подняться выше твоего нынешнего положения?

– Никогда.

- Ты мог бы быть гораздо счастливее, будь ты Летописцем.

– Я и так счастлив. Я могу наслаждаться жизнью Летописца без груза его ответственности.

– Какой ты самодовольный! – вскричал я. – Это надо же упиваться своим положением изгоя!

– А как еще можно выдержать бремя Воли? – Гормон посмотрел на дворец. – Скромные возвышаются. Великих низвергают. Прими это как пророчество, Наблюдатель: еще до наступления лета этот похотливый принц познает новые для него стороны жизни. Я вырву ему глаза за Авлуэлу!

- Сильные слова. Сегодня вечером ты kloчочешь предательством.

– Прими это как пророчество.

– Ты не сможешь даже подойти к нему, – сказал я и, злясь на себя за то, что серьезно воспринял его глупость, добавил: – Да и к чему его винить? Он поступает так, как поступают все принцы. Девушка сама виновата, она сама пошла к нему. Что мешало ей отказать ему?

– И потерять свои крылья. Или умереть. Нет, у нее не было выбора. А у меня он есть! – Внезапно Гормон в жутковатом жесте вытянул средний и указательный пальцы, с двумя фалангами и длинными ногтями, и как будто нацелил их вперед, в воображаемые глаза. – Подожди, – сказал он. – Сейчас увидишь!

Во дворе появились двое Хрономантов. Они установили приборы своей гильдии и зажгли свечи, чтобы прочитать в их свете образ завтрашнего дня. Приторный запах белесого дыма достиг моих ноздрей. Но теперь я потерял всякое желание говорить с Гормоном.

- Уже поздно, – сказал я. – Мне нужен отдых, и скоро я должен заняться Наблюдением.
- Наблюдай внимательно, – пожелал мне Гормон.

5

Ночью у себя в комнате я провел четвертое, последнее Наблюдение того долгого дня и впервые в жизни обнаружил аномалию. И не смог ее истолковать. Это было неясное ощущение, смешение вкусов и звуков, ощущение контакта с некой колоссальной массой. Встревоженный, я не убирал свои инструменты гораздо дольше обычного, но в конце моего сеанса видел все не более отчетливо, чем в его начале.

Потом я задумался о своем долге.

Наблюдателей с детства обучают быстро поднимать тревогу. Тревога должна прозвучать моментально, как только Наблюдатель сочтет, что мир в опасности. Должен ли я уведомить Защитников? В моей жизни сигнал тревоги звучал четыре раза, и всякий раз по ошибке. И каждый из четверых Наблюдателей, вызвавших ложную мобилизацию, жестко за это поплатился. Один распорядился отдать свой мозг в банк памяти; второй из чувства стыда согласился на кастрацию; третий разбил свои инструменты, ушел из гильдии и отправился жить среди изгоев. Четвертый, тщетно пытаясь и далее заниматься своим делом, обнаружил, что стал предметом насмешек со стороны своих товарищей. Лично я не видел ничего хорошего в том, чтобы презирать человека, объявившего ложную тревогу. Пусть уж лучше Наблюдатель объявит об опасности слишком рано, чем не объявит вообще. Но таковы были правила и обычаи нашей гильдии, и я был скован ими.

Оценив мое положение, я решил, что у меня нет веских оснований для того, чтобы бить тревогу. Просто в этот вечер Гормон заронил в мое сознание коварные мысли. Возможно, я лишь реагирую на его насмешливые разговоры о скором вторжении.

Я не мог действовать. Я не мог рисковать и поспешным призывом к бдительности ставить под угрозу свое положение. Я не доверял своему собственному эмоциональному состоянию.

Я не дал сигнал тревоги.

Взбудораженный, сбитый с толку, снедаемый угрызениями совести, я закрыл свою тележку и позволил себе погрузиться в тяжелый сон.

На рассвете я проснулся и бросился к окну, ожидая увидеть на улицах инопланетных захватчиков. Но все было тихо. Над городом висела серая зимняя мгла, и сонные Сервиторы расталкивали сонных Кастратов. Я с тяжелым сердцем провел свое первое Наблюдение нового дня, и, к моему вящему облегчению, странности прошлой ночи не повторились, хотя я и помнил о том, что ночью моя чувствительность гораздо выше, чем при пробуждении.

Я поел и вышел во двор. Гормон и Авлуэла уже были там. Она выглядела усталой и подавленной, изнуренной ночью с принцем Роума, но я предпочел промолчать. Гормон стоял, с презрительной гримасой прислонившись к стене, украшенной раковинами светящихся моллюсков.

– Как прошло Наблюдение? Надеюсь, все хорошо? – спросил он.

– Довольно хорошо.

– Какие планы на день?

– Буду бродить по Роуму, – сказал я. – Пойдете со мной? Авлуэла? Гормон?

– Конечно, – ответил он, а она слегка кивнула. И, как туристы, коими мы, по сути, и были, мы отправились осматривать великолепный город Роум.

Опровергая его собственное заявление, что он никогда не был здесь раньше, Гормон взял на себя роль гида по лабиринту развалин Роума. Как завзятый Летописец, он рассказывал нам о том, что мы видели, пока шли извилистыми улочками древнего города. Все уровни многих тысячелетий были видны как на ладони. Мы видели купола силовых колодцев Второго Цикла и Колизей, где в невероятно глубокой древности устраивались поединки людей и зверей. Стоя посреди разрушенного остова этого ужасного сооружения, Гормон рассказал нам о дикости того невообразимо далекого времени.

– Они сражались обнаженные перед огромными толпами, – рассказывал он. – Мужчины голыми руками вступали в схватку с так называемыми львами. Это были большие мохнатые кошки с огромными головами. И когда издыхающий лев лежал в луже крови, победитель поворачивался к принцу Роума и просил помиловать его за то преступление, которое привело его на арену. И если он храбро сражался, принц делал жест рукой, и человек получал свободу. – Гормон показал нам этот жест: поднял большой палец и несколько раз указал им назад через правое плечо. – Но если человек проявил трусость или если лев храбро сражался до самой своей смерти, принц делал другой жест, и этот человек приговаривался к поединку со следующим зверем.

Гормон показал нам и этот жест: сжав кулак и выставив лишь большой палец, он резко ткнул им вверх.

– Откуда тебе все это известно? – спросила Авлуэла, но Гормон сделал вид, будто не услышал ее.

Мы увидели череду пилонов термоядерного синтеза, построенных в начале Третьего Цикла для того, чтобы получать энергию из ядра планеты. Они все еще функционировали, хотя были изъедены ржавчиной. Мы увидели останки погодной машины Второго Цикла, внушительную колонну высотой в рост не менее двадцати человек. Мы увидели холм, на котором белели мраморные развалины Первого Цикла, напоминая бледные соцветия зимних смертоцветов. Пройдя дальше к внутренней части города, мы наткнулись на ряды оборонительных громкоговорителей, готовых обрушить на захватчиков мощный удар Воли. Мы осмотрели рынок, где пришельцы из других миров торговались с крестьянами за раскопанные фрагменты древности. Гормон смешался с толпой и сделал несколько покупок. Мы заглянули в дом плотских утех для путешественников из далеких миров, где можно было купить что угодно: от квазижизни до гор сладострастия.

Мы поели в небольшой харчевне на берегу реки Твер, где изгоям подавали еду без всяких церемоний. По настоянию Гормона мы поужинали чем-то похожим на комки мягкого теста и выпили терпкого желтого вина местного производства.

После этого мы прошли по аркаде, под сводами которой в многочисленных лавках пухлые Торговцы продавали товары из других миров, дорогие безделушки из Африка и хрупкие изделия местных мануфактур.

Сразу за аркадой мы оказались на площади, которую украшал фонтан в форме ладьи. Позади него виднелись ступени потрескавшейся каменной лестницы, которые вели наверх, к усыпанной битым камнем и заросшей сорняками площадке. Гормон поманил нас, и мы поднялись наверх и быстро прошли через это ужасное место туда, где над поросшим зеленью положим холмом задумчиво высился роскошный дворец, по внешнему виду начала Второго или даже Первого Цикла.

– Говорят, будто это центр мира, – заявил Гормон. – В Джорслеме есть еще одно место, которое также претендует на это звание. Оно отмечено на карте.

– Как может мир иметь один центр, – спросила Авлуэла, – если он круглый?

Гормон засмеялся. Мы вошли. Внутри, в зимней темноте, стоял колоссальных размеров шар, освещенный неким внутренним светом.

– Вот ваш мир, – сказал Гормон, сопроводив свои слова широким жестом.

– Ой! – ахнула Авлуэла. – Все! Тут есть все!

Шарообразная карта была подлинным шедевром. На ней имелись все естественные очертания возвышенностей и впадин. Ее моря казались глубокими водоемами, пустыни были настолько сухи, что источали жажду, а города как будто бурлили энергией и жизнью. Моему взору предстали континенты: Эйроп, Африк, Асья, Стралья. Я обозрел просторы Земного Океана. Я проследил взглядом золотой пролет Сухопутного моста, по которому не так давно с таким трудом прошел пешком. Авлуэла бросилась вперед и нашла Роум, Агюпт, Джорслем, Перрис. Побарабанив кончиками пальцев по вершинам гор к северу от Хинда, она тихо сказала:

– Вот здесь родилась я, там, где живет лед, где горы касаются лун. Здесь у Воздухоплателей есть свое королевство.

Она провела пальцем на запад, в направлении Фарса, затем через зловещую пустыню Арбы и далее к Агюпту.

– Вот куда я улетела. Ночью, когда я выросла из девичества. Мы все должны летать, и я улетела сюда. Я сто раз думала, что умру. Здесь, здесь, в пустыне, я летела, и у меня в горле был песок, песок бился о мои крылья. Я была вынуждена спуститься на землю, я в течение нескольких дней лежала голая на горячем песке, и другой Воздухоплатитель увидел меня, и спустился ко мне, и пожалел меня, и поднял меня, и, когда я оказалась в воздухе, силы вернулись ко мне, и мы вместе полетели к Агюпту.

Но он умер над морем, его жизнь внезапно оборвалась, хотя он был молод и силен, и он упал в море, и я спустилась вниз, чтобы быть с ним, и вода была горячей даже ночью. Я дрейфовала, и, когда наступило утро, я увидела живые камни, растущие в воде, как деревья, и разноцветных рыб, и они подплыли к нему и стали клевать его плоть, пока он плавал на воде с расправленными крыльями, и я оставила его. Я толкнула его под воду, чтобы он нашел там свое последнее пристанище, а сама поднялась и полетела в Агюпт одна, испуганная, и там я встретила тебя, Наблюдатель, – с этими словами Авлуэла робко улыбнулась мне. – Покажи нам место, где ты был молод.

Кряхтя, потому что внезапно мои колени одеревенели, я перешел к другой стороне земного шара. Авлуэла последовала за мной. Гормон топтался за нашими спинами, как будто это было ему неинтересно. Я указал на разбросанные острова, двумя длинными цепочками вырастающие из Земного Океана, – все, что осталось от Затонувших Континентов.

– Вот, – сказал я, указывая на мой родной остров на западе. – Я родился вот здесь.

– Так далеко! – воскликнула Авлуэла.

– И так давно, – сказал я. – В середине Второго Цикла, как порой кажется мне.

– Нет! Это невозможно!

Но она посмотрела на меня так, как будто это было правдой и мне действительно несколько тысяч лет. Я улыбнулся и коснулся ее атласной щеки.

– Просто мне так кажется, – сказал я.

– Когда ты покинул дом?

– Когда я был вдвое старше тебя, – сказал я. – Сначала я пришел сюда. – Я указал на восточную группу островов. – Я провел десяток лет в качестве Наблюдателя на Палаше. Потом Воля заставила меня пересечь Земной Океан. Так я попал в Африк. Я жил некоторое время в жарких странах. Затем пошел в Агюпт, где встретил некую маленькую Воздухоплательницу. – Я умолк и вновь посмотрел на острова, что когда-то были моим домом. Перед моим внутренним взором возник я сам, но не тощий, изнуренный старик, каким я был сейчас. Я увидел себя молодым и полным сил. Я взбирался на зеленые горы, я плавал в холодных морских водах, я вел свои Наблюдения на ослепительно-белом песке под мерный рокот прибоя.

Пока я пребывал в задумчивости, Авлуэла отвернулась от меня к Гормону.

– Теперь ты. Покажи нам, откуда ты родом, Перерожденец! – сказала она.

Гормон пожал плечами:

– Этого места нет на глобусе.

– Но ведь это невозможно!

– Неужели? – спросил он.

Она продолжила терзать его вопросами, он – уворачиваться от них. Между тем мы вышли через боковой выход на улицы Роума.

Я уже ощущал усталость, но Авлуэле хотелось осмотреть город. Она как будто собралась проглотить его целиком всего за один день. Что поделать? Мы углубились в лабиринт улиц, прошли через квартал сверкающих вилл Мастеров и Купцов и через грязное логовище Сервиторов и Торговцев, уходившее вглубь, в подземные катакомбы, миновали улицу, на которой обосновались Клоуны и Музыканты, и вышли на другую, где гильдия Сомнамбулистов предлагала свои сомнительные товары. Жирная Сомнамбулистка умоляла нас зайти внутрь и купить истину, познать которую можно только войдя в транс. Авлуэла предложила зайти к ней, но я улыбнулся, и мы пошли дальше. Вскоре мы оказались на краю парка недалеко от центра города. Здесь жители Роума прогуливались с энергией, какую редко встретишь в знойном Агюпте. Мы присоединились к ним.

– Посмотрите туда! – сказала Авлуэла. – Как ярко она сияет!

Она указала на сияющую дугу трехмерной сферы над какой-то реликвией древнего города. Прикрыв как дощечкой ладонью глаза, я разглядел внутри древнюю каменную стену и толпу людей.

– Уста Истины, – пояснил Гормон.

– Это что? – спросила Авлуэла.

– Войди и увидишь сама.

В сферу тянулась очередь. Мы встали в нее и вскоре оказались у входа в святилище, вглядываясь через порог в не подвластное времени пространство. Почему эта реликвия и еще несколько других удостоились такой особой защиты, я не знал. Поэтому я спросил Гормона, чьи познания самым загадочным образом были столь же глубоки, как и познания любого Летописца, и он ответил:

– Потому что это царство определенности, где то, что говорят, абсолютно соответствует действительности.

– Я не понимаю, – сказала Авлуэла.

– В этом месте невозможно солгать, – пояснил Гормон. – Можете ли вы назвать иную реликвию, более достойную защиты? – Он шагнул через входной канал, на миг превратившись в расплывчатый силуэт, и я быстро последовал за ним внутрь. Авлуэла же замешкалась. Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем она вошла. Застыв на самом пороге, она, казалось, боролась с ветром, дувшим вдоль пограничной линии между внешним миром и карманной вселенной, в которой мы стояли.

Во внутреннем помещении находились сами Уста Истины. К ним тянулась очередь, и серьезный Индексатор контролировал поток желающих прикоснуться к древности. Нам пришлось подождать, прежде чем нам троим разрешили войти в святилище. Мы оказались перед горельефом – свирепой головой чудовища на древней, изъеденной временем стене. Рот каменного лица был разверст – темная, зловещая дыра в стене. Окинув его взглядом, Гормон кивнул. Казалось, он был доволен, что все оказалось именно таким, как он и предполагал.

– Что будем делать? – спросила Авлуэла.

– Наблюдатель, вложи свою правую руку в Уста Истины, – велел мне Гормон.

Я нехотя подчинился.

– А теперь, – продолжил он, – один из нас задает вопрос. Ты должен ответить на него. Если ты скажешь неправду, Уста сомнутся и откусят тебе руку.

– Нет! – воскликнула Авлуэла.

Я с тревогой смотрел на каменные челюсти вокруг моего запястья. Наблюдатель без обеих рук – человек без ремесла. Во времена Второго Цикла можно было получить протез, куда более ловкий, чем настоящая рука, но Второй Цикл уже давно завершился, и в наши дни такие полезные вещи на Земле не купить.

– Разве такое возможно? – спросил я.

– Воля необычайно сильна в таких местах, – ответил Гормон. – Она строго различает правду и неправду. По ту сторону этой стены спят три Сомнамбулиста, посредством которых говорит Воля, и они контролируют Уста. Ты боишься Воли, Наблюдатель?

– Я боюсь своего собственного языка.

– Будь храбр. Перед этой стеной ни разу не прозвучала ложь. Никто ни разу не лишился руки.

– Тогда давай, – сказал я. – Кто задаст мне вопрос?

– Я, – ответил Гормон. – Скажи мне, Наблюдатель: если отбросить в сторону притворство, ты бы сказал, что жизнь, проведенная в Наблюдении, прожита мудро?

Я молчал, перебирая в голове мысли и глядя на каменные челюсти.

– Посвятить себя Бдению во имя других людей, – наконец произнес я, – пожалуй, это самая благородная цель, какой только можно служить.

– Осторожнее! – с тревогой в голосе вскричал Гормон.

– Я еще не закончил, – сказал я.

– Продолжай.

– Но посвятить себя Бдению, когда враг мнимый, – значит бездельничать, и хвалить себя за то, что ты долго и усердно ищешь врага, который не придет, – глупо и греховно. Моя жизнь была пустой тратой времени.

Челюсти Уст Истины даже не дрогнули.

Я убрал руку и посмотрел на нее так, будто она лишь недавно выросла из моего плеча. Внезапно я ощутил себя глубоким стариком, прожившим несколько циклов. Авлуэла вытаращила глаза и прикрыла ладонями рот, потрясенная тем, что я сказал. Казалось, что мои слова застыли в воздухе, повиснув перед уродливым идиолом.

– Сказано честно, – похвалил Гормон, – хотя и без особой жалости к себе. Ты судишь себя слишком строго, Наблюдатель.

– Я говорил так, потому что мне дорога моя рука, – ответил я. – Ты бы предпочел, чтобы я солгал?

Гормон улыбнулся:

– Теперь твоя очередь, – сказал он Авлуэле.

Заметно испуганная, маленькая Воздухоплавательница шагнула к Устам Истины и插вила худенькую, дрожащую руку между плитами холодного камня. Я поборол в себе желание броситься к ней и вытащить ее руку из этой дьявольской, гримасничающей головы.

– Кто задаст ей вопрос? – спросил я.

– Я задам, – ответил Гормон.

Крылья Авлуэлы затрепыхались под ее одеждой. Лицо ее побледнело, ноздри подрагивали. Закусив нижнюю губу, она привалилась к стене, в ужасе глядя на скрытую в черной дыре кисть. Снаружи на нас смотрели расплывчатые лица. Их губы шевелились, по всей видимости, выражая нетерпение по поводу нашего затянувшегося визита к Устам Истины, но мы ничего не слышали. Атмосфера вокруг нас была теплой и липкой, с затхлым запахом, похожим на тот, что исходит из колодца, пробитого в структуре Времени.

Гормон медленно произнес:

– Прошлой ночью ты позволила принцу Роума овладеть твоим телом. До этого ты дарила его Перерожденцу Гормону, хотя такие связи запрещены обычаем и законом. До этого ты была любовницей Воздухоплателя, ныне покойного. Возможно, у тебя были и другие мужчины, но

я ничего о них не знаю, и для целей моего вопроса они не важны. Скажи мне вот что, Авлуэла: кто из троих доставил тебе самое сильное физическое удовольствие, кто из троих пробудил в тебе самые глубокие эмоции и кого из троих ты бы выбрала в качестве супруга, будь у тебя такой выбор?

Я хотел было возразить, что Перерожденец задал ей три вопроса, а не один и потому получил несправедливое преимущество. Но не успел, потому что, просунув руку глубоко в Уста Истины, Авлуэла не колеблясь ответила:

– Принц Роума доставил моему телу больше удовольствия, чем я когда-либо знала прежде, но он холоден и жесток, и я презираю его. Мой мертвый Воздухоплаватель любил меня сильнее, чем любой человек до или после него, но он был слаб, и я бы не хотела его себе в супруги. Ты, Гормон, даже сейчас кажешься мне почти незнакомцем, и я чувствую, что не знаю ни твоего тела, ни твоей души, и все же, хотя пропасть между нами так велика, именно с тобой я бы провела отпущенные мне дни.

Сказав это, она вытянула руку из Уст Истины.

– Хорошо сказано! – похвалил Гормон, хотя точность ее слов ранила его ничуть не меньше, чем обрадовала. – Внезапно, когда того требуют обстоятельства, ты обрела красноречие. А теперь моя очередь рискнуть рукой.

И он шагнул к Устам.

– Ты задал первые два вопроса, – сказал я. – Хочешь закончить это дело и задать третий?

– Вряд ли, – сказал он и небрежно махнул свободной рукой. – Посоветуйтесь между собой и задайте совместный вопрос.

Мы с Авлуэла посоветовались. С несвойственной ей прямоотой она предложила вопрос, и поскольку я задал бы точно такой же, я согласился и попросил ее задать его.

– Когда мы стояли перед глобусом, Гормон, – сказала она, – я попросила тебя показать мне место, где ты родился, и ты сказал, что не можешь найти его на карте. Это показалось мне странным. Скажи честно: ты тот, за кого ты себя выдаешь, – Перерожденец, который бродит по свету?

– Нет, – ответил он.

В известном смысле он ответил на заданный Авлуэлой вопрос, но, разумеется, ответ был недостаточным, и он, не вынимая руки из Уст Истины, продолжил:

– Я не показал вам свое место рождения на земном шаре, ибо я родился не на нем, а на планете звезды, которую я не смею называть. Я не Перерожденец в вашем значении этого слова, хотя в известном смысле я именно таков, ибо мое тело замаскировано и в моем собственном мире я ношу другую плоть. Я прожил здесь десять лет.

– С какой целью ты прибыл на Землю? – спросил я.

– Я обязан ответить лишь на один вопрос, – сказал Гормон и улыбнулся. – Но я, так и быть, отвечу тебе: я послан на Землю в качестве военного наблюдателя, чтобы подготовить путь для вторжения, которого вы так долго ждали и в которое перестали верить. И оно произойдет в ближайшие несколько часов.

– Лжешь! – взревел я. – Лжешь!

Гормон рассмеялся. И вытащил из Уст Истины руку, целую и невредимую.

6

В полном замешательстве я выбежал со своей тележкой с приборами из этой блестящей сферы на улицу, внезапно холодную и темную. Ночь опустилась с присущей зиме быстротой. Был почти девятый час, а значит, почти нужное время для меня провести очередное Наблюдение.

Насмешка Гормона гремела в моем мозгу. Он все подстроил. Нарочно привел нас к Устам Истины, вырвал у меня признание утраченной веры и другое признание, от Авлуэлы; он жестоко сообщил информацию, которую не должен был раскрывать, зная, что произнесенные им слова пронзят меня до глубины души.

Были ли Уста Истины обманом? Мог ли Гормон солгать и не лишиться руки? С тех пор как я впервые приступил к своим Наблюдениям, я не вел их в иное время, кроме назначенных мне часов. Это было время рушащейся реальности. Я не мог дожидаться девятого часа, чтобы приступить к моему делу. Устроившись на ветреной улице, я открыл тележку, подготовил приборы и, как ныряльщик, погрузился в Бдение. Мое расширенное сознание устремилось к звездам.

Я, как божество, бродил по бесконечности. Я ощущал порывы солнечного ветра, но, не будучи Воздухоплавателем, мог не опасаться, что его давление сметет и уничтожит меня. Я неся мимо него, вне досягаемости этих злых частиц света, в темноту на край владений солнца. Зато я ощущал другое давление.

Давление приближающихся звездолетов.

Не туристических лайнеров, доставляющих в наш крошечный мир зевак-туристов. Не зарегистрированных коммерческих кораблей, не космических черпальщиков, которые собирают межзвездные пары, не курортных кораблей на их гиперболических орбитах.

Это были военные корабли, темные, инопланетные, угрожающие. Я не мог определить их число. Я знал только, что они летели к Земле на скорости в несколько раз выше световой, толкая перед собой конус отклоненных энергий, тот самый конус, который я ощутил, который почувствовал прошлой ночью. Он ворвался в мои мысли через мои приборы, поглотив меня, словно кубик кристалла, сквозь который, преломляясь, играют и сияют линии напряжения.

Я всю жизнь ждал их появления.

Я был обучен чувствовать такие вещи. Я молился, чтобы мне никогда их не почувствовать, а затем, опустошенный, молился, чтобы я мог их почувствовать, и в конце концов утратил свою веру. Но затем, по милости Перерожденца Гормона, я все-таки это почувствовал, проведя свои Наблюдения, не дожидаясь урочного часа, скрючившись на холодной улице Роума, прямо возле Уст Истины.

В курсе обучения Наблюдателя учат, что, как только его Наблюдения подтверждаются тщательной проверкой, он должен выйти из состояния Бдения и подать сигнал тревоги.

Я послушно провел проверку, переключаясь с одного канала на другой, триангулируя, но по-прежнему улавливая это пугающее ощущение титанической силы, на невообразимой скорости несущейся к Земле.

Либо я заблуждался, либо вторжение было близко. Но я не мог стряхнуть с себя состояние транса, чтобы поднять тревогу. Долго, как мне казалось, несколько часов, я с наслаждением, впитывал сенсорные данные. Я ласкал мои приборы, я получал от них полное подтверждение веры, которую дали мне мои наблюдения.

Я смутно предупреждал себя, что трачу впустую жизненно важное время, что мой долг – оставить эти непристойные ласки судьбы и призвать Защитников.

И, наконец, я стряхнул с себя Бдение и вернулся в мир, который я охранял. Авлуэла стояла рядом со мной, испуганная, засунув костяшки пальцев в рот, глядя на меня пустыми глазами.

– Наблюдатель! Наблюдатель, ты меня слышишь? Что происходит? Что произойдет?

– Вторжение, – сказал я. – Как долго я был без сознания?

– Примерно полминуты. Я не знаю. Твои глаза были закрыты. Я думала, ты умер.

– Гормон говорил правду! Захватчики уже почти здесь. Где он? Куда он делся?

– Он исчез, как только мы отошли от Уст Истины, – прошептала Авлуэла. – Наблюдатель, мне страшно. Я чувствую, что мир рушится. Я должна улететь... я не могу оставаться здесь!

– Подожди, – сказал я, безуспешно пытаюсь схватить ее за руку. – Не уходи. Сначала я должен подать сигнал тревоги, а потом...

Но она уже раздевалась. Голое до пояса, ее бледное тело блестело в вечернем свете, а вокруг нас туда-сюда сновали люди, не подозревающие о том, что должно вот-вот произойти. Я хотел оставить Авлуэлу рядом с собой, но больше не мог тянуть с подачей сигнала тревоги. Я отвернулся от нее обратно к своей тележке.

Как будто во сне, порожденном перезревшим желанием, я потянулся к кнопке, которую никогда не трогал, той, что отправит Защитникам по всей планете оповещение.

Но что, если сигнал тревоги уже дан? Что, если некий другой Наблюдатель уловил то, что уловил я, и, менее парализованный растерянностью и сомнением, исполнил последний долг Наблюдателя? Нет. Нет. Ибо тогда я бы уже слышал вой сирен, издаваемый орбитальными громкоговорителями над городом.

Я коснулся кнопки. Краем глаза я увидел Авлуэлу – сбросив с себя одежду, та стояла на коленях, произнося ритуальные слова, наполняя тонкие крылья силой. Еще миг, и она взлетит ввысь, и тогда я не смогу ее остановить. Одним быстрым движением я подал сигнал. И в тот момент увидел, что к нам шагает здоровенная фигура. Гормон, подумал я и тотчас отпрянул от своих приборов и протянул к нему руки, намереваясь схватить его и не выпускать. Но подошедший оказался не Гормоном, а Сервитором с невыразительным лицом.

– Постой, Воздухоплавательница, – сказал он Авлуэле. – Сложи свои крылья. Принц Роума велел мне привести тебя к себе.

Он попытался схватить ее. Ее крошечные грудки возмущенно вздымались, глаза сверкнули гневом.

– Отпусти меня! Я собираюсь летать!

– Принц Роума требует тебя к себе, – сказал Сервитор, сжав ее своими мощными лапками.

– Принца Роума сегодня ждут иные дела, – сказал я. – Она ему не понадобится.

Пока я говорил, над нашими головами запели сирены.

Слуга отпустил Авлуэлу. Пару мгновений его губы бесшумно шевелились. Сделав один из защитных жестов Воли, он посмотрел в небо и хмыкнул:

– Тревога! Кто дал сигнал тревоги? Ты, старый Наблюдатель?

По улицам, словно охваченные безумием, метались люди.

Ощувив свободу, Авлуэла пронеслась мимо меня – бегом, наполовину свернув крылья – и исчезла, проглоченная толпой. Перекрывая жуткий вой сирен, звучали гулкие сообщения общественных оповещателей, раздававших указания по обороне и безопасности. Долговязый человек с эмблемой гильдии Защитников на щеке бросился ко мне и, что-то выкрикнув, – что именно, я так и не понял, – помчался дальше по улице. Казалось, мир сошел с ума.

Впрочем, я оставался спокоен. Я посмотрел в небеса, почти ожидая увидеть черные корабли захватчиков, зависшие над башнями Роума. Но не увидел ничего, кроме парящих ночных огней и других объектов, которые обычно видишь над головой.

– Гормон? – позвал я. – Авлуэла?

Я остался один.

Меня охватила странная пустота. Я дал сигнал тревоги. Захватчики были в пути. Я потерял работу. Необходимости в Наблюдателях больше не было. Едва ли не с нежностью я потрогал обшарпанную тележку, бывшую много лет моей верной спутницей. Я провел пальцами по замусоленным, поцарапанным приборам, а затем я отвел взгляд и, бросив ее, зашагал по темным улицам один, ничем не обремененный, – человек, чья жизнь обрела и утратила смысл в одно и то же мгновение. Вокруг меня бесновался хаос.

7

Считалось, что, когда настанет момент последней битвы Земли, все гильдии будут мобилизованы, за исключением Наблюдателей. Мы, которые так долго держали периметр обороны, не были задействованы в стратегии битвы. Подача сигнала тревоги освободила нас от дальнейших обязательств. Теперь настало время гильдии Защитников показать свои умения. Они целых полцикла планировали свои действия во время войны. Какие планы они озвучат сейчас? Какие действия предпримут?

Моей единственной заботой было вернуться в гостиницу и переждать кризис. Бессмысленно было думать о том, чтобы найти Авлуэлу, и я последними словами отругал себя за то, что в этот момент всеобщего хаоса дал ей ускользнуть. Обнаженная, беззащитная, куда она пойдет? Кто защитит ее?

Со мной едва не столкнулся какой-то Наблюдатель, с безумным взглядом волочивший за собой тележку.

– Осторожно! – рявкнул я. Он поднял голову, запыхавшийся, растерянный.

– Это правда? – спросил он. – Неужели это тревога?

– Разве ты не слышишь?

– Но настоящая ли она?

– Ты знаешь, как это выяснить, – ответил я и указал на его тележку.

– Говорят, что человек, который подал сигнал тревоги, был пьян, старый дурак, которому вчера дали от ворот поворот в нашей гостинице.

– Возможно, – согласился я.

– Но если тревога настоящая?!

– Если это так, – улыбаясь, сказал я, – то теперь мы все можем отдохнуть. Хорошего тебе дня, Наблюдатель.

– Твоя тележка! Где твоя тележка? – крикнул он мне.

Но я шагнул мимо него, к внушительной резной каменной колонне какой-то реликвии Имперского Роума. На ней были вырезаны древние картины: сражения и победы, иностранные монархи в цепях позора, которых гнали по улицам Роума, торжествующие орлы, прославлявшие имперское величие. В моем странном новообретенном спокойствии я на какое-то время застыл перед каменной колонной, восхищаясь ее искусно выполненными гравюрами. Внезапно ко мне бросилась фигура, в которой я узнал Базиля-Летописца.

– Как своевременно ты пришел! – поприветствовал я его. – Будь добр, объясни мне эти изображения, Летописец. Они приковывают мой взор и пробуждают во мне любопытство.

– Ты с ума сошел? Или ты не слышишь сигнал тревоги?

– Это я его дал, Летописец.

– Тогда беги! Захватчики наступают! Мы должны сражаться!

– Только не я, Базиль. Я свое дело сделал. Расскажи мне лучше об этих изображениях. Кто все эти побежденные цари, эти униженные императоры? Конечно, человек твоих лет не будет сражаться.

– Мобилизованы все!

– Все, кроме Наблюдателей, – сказал я. – Выкрои минутку. Я снедаем желанием узнать как можно больше о тех древних временах. Гормон исчез, так что стань моим проводником по этим канувшим в прошлое циклам.

Летописец упрямо покачал головой, обошел меня и попытался скрыться. Я бросился к нему в надежде схватить его за тощую руку и остановить, но он ускользнул от меня, и я поймал лишь его темный платок, который остался в моих руках. Он же бросился наутек со всех своих тощих ног и вскоре исчез из вида. Я пожал плечами и осмотрел шаль, которую так не ожи-

данно приобрел. Она была пронизана мерцающими металлическими нитями, образующими причудливые узоры, которые дразнили мой глаз: казалось, будто каждая такая нить исчезала в ткани, чтобы затем появиться в какой-то совершенно невероятной точке, подобно династическим линиям, столь неожиданно возрождавшимся в далеких городах. Мастерство ткачей было выше всяческих похвал. Я неторопливо накинул шаль себе на плечи.

И зашагал дальше.

Мои ноги, которые ранее в тот же день были готовы отказать мне, теперь отлично мне служили. С новообретенной энергией молодости я пробирался сквозь охваченный хаосом город, не испытывая затруднений в выборе дороги. Я направился к реке, затем перешел ее и на другом берегу поискал дворец принца.

Ночь стала еще темнее, так как в соответствии с приказом о мобилизации большинство огней погасли. Время от времени над головой раздавался глухой грохот – это взрывались экранирующие бомбы, выпуская темные облака, защищавшие город от любых видов дальнего наблюдения. Пешеходов на улицах стало заметно меньше. Вой сирен по-прежнему не смолкал. Оборонительные установки на зданиях приводились в действие. Я слышал щелчки разогревавшихся репеллеров, видел длинные тонкие конечности усилителей, тянущиеся от башни к башне, чтобы добиться максимальной мощности. Теперь я не сомневался: вторжение действительно приближается. Мои собственные приборы могли быть повреждены моим внутренним замешательством, однако вряд ли мобилизация шла бы сейчас полным ходом, не будь мой первоначальный отчет подтвержден результатами Наблюдений сотен других членов моей гильдии.

Я уже подходил к дворцу, когда мне навстречу попала пара запыхавшихся Летописцев. Они бежали со всех ног, и шали хлопали за их спинами. Они на бегу что-то крикнули мне, но я не понял их слов и лишь затем сообразил: это какой-то код их гильдии, ведь на мне был платок Базиля. Я не смог им ответить. Тогда они набросились на меня и переключились на язык обычных людей.

– Что с тобой? Быстро на свой пост! Мы должны записывать! Мы должны комментировать! Мы должны следить за ходом событий!

– Вы ошиблись, – мягко сказал я. – Я храню эту шаль только ради вашего брата Базиля, который оставил ее на мое попечение. В настоящий момент у меня нет никакого поста.

– Наблюдатель! – воскликнули они в унисон, и, осыпав меня проклятиями, побежали дальше. Я рассмеялся и отправился во дворец.

Его ворота были распахнуты. Кастраты, охранявшие внешний портал, исчезли, как и два Индексатора, которые раньше стояли прямо за дверью. Толпы нищих, ранее заплотнявших огромную площадь, прорвались в поисках убежища внутрь. Это жутко разозлило лицензированных наследственных нищих, чьи обычные места находились в этой части здания, и они с яростью и неожиданной силой обрушились на ворвавшихся внутрь беженцев. Я видел, как калеки сражались костылями, словно те были дубинками. Я видел, как слепые с подозрительной точностью наносили удары, а кроткие кающиеся вытаскивали самое разное оружие – от стилетов до звуковых пистолетов. Держась в сторонке от этого постыдного побоища, я проскользнул в дальнюю часть дворцов. Я заглянул в часовни, где увидел Пилигримов, просящих благословения Воли, и Коммуникантов, отчаянно ищущих духовного руководства в отношении исхода предстоящего конфликта.

Внезапно до меня донеслось пронзительное гудение труб и крики:

– Прочь! Дорогу!

Во дворец, направляясь к покоям принца в апсиде, вступила колонна коренастых Сервиторов. Несколько из них удерживали отчаянно брыкающуюся фигурку с полуразвернутыми крыльями: Авлуэла! Я окликнул ее, но мой голос потонул в гаме. Дотянуться до нее я также не смог. Сервиторы оттолкнули меня в сторону. Процессия исчезла в покоях Принца. Я еще

раз мельком увидел маленькую Воздухоплавательницу, бледную и хрупкую в железной хватке ее похитителей, а затем она вновь исчезла.

Я схватил неуклюжего Кастрата, который утиной походкой семенил вслед за Сервиторами.

– Та Воздухоплавательница! Почему ее притащили сюда?

– Э-э-э... она... они...

– Быстро отвечай!

– Принц – его женщина... в его колеснице... он... он... они... захватчики...

Оттолкнув жирное существо в сторону, я бросился к апсиде. Путь мне преградила бронзовая стена, в десять раз превышающая мой рост. Я принялся колотить по ней кулаками.

– Авлуэла! – хрипло крикнул я. – Ав...лу...эла!..

Меня не отшвырнули, но и не впустили. Меня проигнорировали. Хаос у западного входа во дворец теперь распространился до нефа и проходов. Видя, что на меня движется толпа оборванных нищих, я быстро повернулся и не раздумывая шагнул в одну из боковых дверей дворца.

Растерянный, я застыл посреди внутреннего дворика, который вел к дворцовой гостинице. Воздух потрескивал странным электричеством. Я предположил, что это было излучение одной из оборонительных установок Роума, некий луч, предназначенный для защиты города от нападения. Но уже в следующий понял, что это был провозвестник прибытия захватчиков.

В небесах пылали звездолеты.

Когда я видел их в своих Наблюдениях, они показались мне черными на фоне бесконечной темноты, но теперь они сверкали подобно солнцам. Небо украшала череда ярких, твердых, похожих на драгоценные бусины шаров. Бок о бок, они протянулись непрерывной полосой с востока на запад, заполнив собой небосвод, и, когда они одновременно возникли на небе, мне показалось, будто я слышу грохот и пульсацию незримой симфонии, возвещающей прибытие Покорителей Земли.

Я не знаю, как далеко надо мной были эти звездолеты, сколько их там зависло, каковы особенности их конструкции. Знаю только, что они внезапно возникли в вышине во всем своем величии, и, будь я Защитником, моя душа мгновенно сжалась бы при их виде.

Небеса пронзил свет самых разных оттенков. Битва началась. Я не мог понять наших воинов и в равной степени был сбит с толку маневрами тех, кто пришел завладеть нашей покрытой коркой истории, но одряхлевшей планетой. К своему стыду, я чувствовал себя не только вне схватки, но и над ней, как будто она была не моя. Я хотел, чтобы рядом со мной была Авлуэла, и она была где-то в глубинах дворца принца Роума. Даже Гормон, и тот послужил бы мне моральной поддержкой в эти минуты, Гормон-Перерожденец, Гормон-лазутчик, Гормон – чудовищный предатель нашего мира.

– Дорогу принцу Роума! – проревели усиленные громкоговорителями голоса. – Принц Роума ведет Защитников в сражение за отчий мир!

Из дворца выехала сияющая колесница в форме слезы. В ее блестящей металлической крыше был вставлен прозрачный лист, чтобы простонародье могло узреть своего правителя и воспрянуть духом. За приборной доской колесницы, гордо выпрямив спину, восседал сам принц Роума. Его жестокие, юношеские черты лица были полны решимости. Рядом с ним, в облачении императрицы, сидела худенькая фигурка Воздухоплавательницы Авлуэлы. Было похоже, что она в трансе.

Еще миг, и царская колесница взлетела вверх и исчезла в темноте. Но затем следом за ней из дворца показалась вторая и полетела ей вдогонку, а затем колесница Принца появилась снова, и они принялись описывать круги, как будто сойдясь в бою. Теперь обе колесницы окутывали облака синих искр. Затем они взмыли ввысь и вдаль и исчезли из вида за одним из холмов Роума.

Неужели битва уже кипела по всей планете? Был ли Перрис в опасности? А священный Джорслем? И даже сонные острова Затонувших Континентов? Неужели вражеские звездолеты зависли везде? Этого я не знал. Мне были видны события только в одной небольшой части неба над Роумом, и даже здесь мое понимание происходящего было смутным, неуверенным, полным, возможно ошибочных, догадок.

В слепящих вспышках света мне были видны батальоны крылатых Воздухоплателей, летевших через все небо. Но затем тьма вернулась, как будто на город набросили бархатный саван. Я видел, как огромные машины небесной обороны Роума выпускали с вершин наших башен яростные очереди. Но видел я и другое: вражеские звездолеты в вышине оставались целы и невредимы. Двор, посреди которого я стоял, был пуст, но откуда-то издалека доносились голоса, полные страха и дурных предчувствий. Обычно так пронзительно могут кричать только птицы.

Изредка раздавался оглушительный гул, от которого содрогался весь город. В какой момент мимо меня прогнали взвод Сомнамбулистов. На площади перед дворцом мое внимание привлекла группа Клоунов, разворачивающих нечто вроде сверкающей сетки, явно военного назначения. Затем вспышка молнии высветила трио Летописцев. Паря на гравитационной платформе, они усердно фиксировали все, чему становились свидетелями. Мне показалось, хотя я не был в этом уверен, что колесница принца Роума вернулась. Она мчалась по небу, а преследователь летел за ней по пятам.

– Авлуэла, – прошептал я, когда обе яркие точки исчезли из поля зрения. Неужели звездолеты уже высаживают десант? Неужели из этих ярких орбитальных шаров на Землю уже спускаются бесчисленные легионы захватчиков? Зачем принц захватил Авлуэлу? Где Гормон? Что делали наши Защитники? Почему вражеские корабли не были уничтожены в небе?

Словно прилипнув подошвами к древним булыжникам двора, я всю долгую ночь наблюдал за космическим сражением, оставаясь при этом в полном неведении.

Наконец рассвело. Нити бледного света, петляя, протянулись от башни к башне. Кончиками пальцев потрогав глаза, я понял, что, должно быть, уснул стоя. Возможно, мне следует подать заявку на членство в гильдию Сомнамбулистов, шутливо подумал я. Затем я нащупал шаль Летописца на моих плечах и удивился, откуда она там. Ответ пришел моментально.

Я посмотрел на небо.

Корабли захватчиков исчезли. Передо мной было обычное утреннее небо, серое, с легким розовым оттенком. Почувствовав привычный толчок, я поискал глазами мою тележку, но тут же напомнил себе, что мои Наблюдения завершились. Я ощутил себя даже более опустошенным, чем обычно в такой час.

Завершилась ли битва?

Получил ли враг достойный отпор?

Удалось ли сбить с небес вражеские корабли? Валялись ли их обугленные обломки в полях за пределами Роума?

Все стихло. Я больше не слышал небесных симфоний. Затем, прорезав жуткую тишину, раздался новый звук – грохот колесниц, проезжающих по улицам города. Затем невидимые Музыканты взяли финальную ноту, низкую и звучную, которая вскоре оборвалась, как будто разом лопнули все струны.

Сквозь рев динамиков, передававших публичные объявления, прозвучали тихие слова:

– Роум упал. Роум пал.

8

Дворцовая гостиница была брошена без присмотра. Кастраты и члены гильдии Сервиторов бежали. Защитники, Мастера и Доминаторы, должно быть, с честью пали в бою.

Летописца Базиля нигде не было видно. Как и его собратьев. Я пошел в свою комнату, умылся, освежился, поел, собрал свои скудные пожитки и попрощался с роскошью, которую я так кратко познал. Мне было жаль, что я провел в Роуме столь недолгое время, но, по крайней мере, Гормон был превосходным гидом, и я многое увидел.

Я решил двигаться дальше.

Я не видел смысла оставаться в завоеванном городе. Нейрошлем в моей комнате не отвечал на мои вопросы, и я оставался в неведении о том, какова степень поражения, здесь или в других местах. Впрочем, было очевидно: по крайней мере, Роум вышел из-под контроля человечества, и я хотел поскорее уйти из него. Я подумал было, а не податься ли мне в Джорслем, как предлагал тот долговязый Пилигрим, когда мы вошли в Роум. Но, подумав, решил направить свои стопы на запад, в Перрис, который не только был ближе – там располагалась штаб-квартира Летописцев. Моя собственная профессия была больше не нужна, но в это первое утро покоренной Земли мною внезапно овладело сильное и странное стремление смиренно предложить себя Летописцам, чтобы искать вместе с ними знания о нашем куда более блестящем прошлом.

В полдень я покинул гостиницу. Сначала я пошел во дворец, чьи двери все еще были распахнуты настежь. Повсюду валялись нищие, одни были одурманены наркотическим зельем, другие спали, но большая их часть была мертва. Глядя на их окровавленные тела, я сделал вывод, что они перебили друг друга в панике и приступе безумия. В часовне рядом с тремя черепами сидел на корточках какой-то Индексатор. Вид у него был подавленный.

– Бесполезно, мозги не отвечают, – сказал он, когда я вошел.

– Что там с принцем Роума?

– Мертв. Захватчики сбили его.

– С ним была юная Воздухоплавательница. Тебе что-то о ней известно?

– Ничего. Наверное, мертва.

– А город?

– Город пал. Захватчики повсюду.

– Убивают?

– Даже не мародерствуют, – ответил Индексатор. – Они само милосердие. Просто собрали нас.

– Только в Роуме или везде?

Мой собеседник лишь пожал плечами и принялся ритмично раскачиваться взад-вперед. Я оставил его, а сам прошел дальше во дворец. К моему удивлению, императорские покои принца были не запечатаны. Я шагнул внутрь и застыл, разинув рот, при виде представшей моим глазам роскоши: дорогих занавесов, драпировок, осветительных приборов, мебели. Я переходил из комнаты в комнату, пока наконец не дошел до царской опочивальни с ее ложем. Покрывалом на нем служила плоть огромного двустворчатого моллюска с далекой звезды. Створки оторвались, и я дотронулся до бесконечно мягкой ткани, под которой когда-то лежал принц Роума. Я тотчас вспомнил, что Авлуэла тоже лежала здесь, и, будь я моложе, я бы заплакал.

Я вышел из дворца, медленно прошел через всю площадь и приготовился направить свои стопы в Перрис.

Уходя, я впервые увидел наших завоевателей. К краю площади подъехала колесница инопланетного образца, из которой вышло около десятка фигур. Издали их можно было принять за людей – рослые, широкоплечие, с такой же мощной грудью, что и Гормон, и только чрезмерно длинные руки мгновенно давали понять, что это пришельцы. Их кожа имела странную текстуру, и, стой я чуть ближе, подозреваю, я бы разглядел их глаза, губы и ноздри, которые явно не имели ничего общего с человеческими. Не обращая на меня внимания, они пересекли

площадь, шагая странной пружинистой походкой, тотчас напомнившей мне походку Гормона, и вошли во дворец. Они не показались мне ни высокомерными, ни воинственными.

Экскурсанты. Величественный Роум в очередной раз распространил свой магнетизм на чужаков.

Оставив наших новых хозяев любоваться земными древностями, я шагал к окраинам города. В мою душу закралось уныние вечной зимы. Мне не давал покоя вопрос: опечален ли я тем, что Роум пал? Или же я оплакивал потерю Авлуэлы? Или все дело в том, что я пропустил три последовательных Наблюдения и, как наркоман, теперь переживал ломку?

Наверно, боль мне причиняло все, и первое, и второе, и третье, решил я. Но в основном третье.

Я не встретил ни единой души, пока не дошел до городских ворот. Полагаю, страх перед новыми хозяевами заставлял жителей города не высовывать носа из дома. Время от времени мимо проезжала очередная инопланетная колесница, но меня никто не трогал. Ближе к вечеру я подошел к западным воротам города. Те еще были открыты, и в них был виден пологий холм, на широкой груди которого росли деревья с темно-зелеными кронами. Миновав ворота, я увидел на небольшом расстоянии перед собой фигуру Пилигрима, медленно бредущего прочь от города.

Я легко догнал его.

Его шаткая, неуверенная походка показалась мне странной, потому что даже плотные коричневые одежды не могли скрыть силу и молодость его тела. Он держался прямо, его плечи были расправлены, спина была ровной, и все же он шел нетвердым, шаркающим шагом старика.

Поравнявшись с ним, я заглянул под его капюшон и увидел, что к бронзовой маске, которую носят все Пилигримы, прикреплен ревербератор, каким обычно пользуются слепые, чтобы заранее знать о препятствиях и опасностях.

– Я незрячий Пилигрим, – произнес он, почувствовав рядом с собой меня. – Умоляю, не делай мне зла.

Это не был голос Пилигрима, но сильный, резкий и властный голос человека, привыкшего повелевать.

– Я никому не делаю зла, – ответил я. – Я Наблюдатель, который вчера вечером потерял свою профессию.

– Вчера вечером многие потеряли свою профессию, Наблюдатель.

– Конечно, но только не Пилигримы.

– Нет, – сказал он. – Только не Пилигримы.

– И куда ты держишь путь?

– Прочь из Роума.

– Куда-то в конкретное место?

– Нет, – ответил Пилигрим. – Просто буду бродить по свету.

– Тогда давай бродить вместе, – предложим я, потому что это большая удача – путешествовать с Пилигримом, и без моей Воздухоплавательницы и моего Перерожденца я был бы вынужден проделать мой путь в одиночестве. – Лично я иду в Перрис. Не хочешь пойти со мной?

– Можно и в Перрис. Какая разница, – с горечью сказал слепец. – Да. Мы вместе пойдем в Перрис. Но какое дело там у Наблюдателя?

– Наблюдатель нигде не имеет дел. Я иду в Перрис, чтобы предложить свои услуги Летописцам.

– А-а-а, – отозвался он. – Я тоже принадлежал к этой гильдии, но это было лишь почетное звание.

– Коль Земля пала, я хочу больше узнать о Земле в дни ее расцвета.

– А что, пала вся Земля, а не только Роум?

– Думаю, что да, – ответил я.

– Ах, – отозвался Пилигрим. – Ах!

Он умолк, и мы пошли дальше. Я подал ему руку, и теперь он больше не шаркал ногами, а шел твердым шагом молодого человека. Время от времени он издавал нечто среднее между вздохом или сдавленным рыданием. Когда же я пытался выведать у него подробности его паломничества, он отвечал уклончиво или не отвечал вовсе. Мы были в часе пути от Роума посреди леса, когда он внезапно сказал:

– Эта маска причиняет мне боль. Ты не мог бы поправить ее?

К моему изумлению, он начал ее снимать. Я ахнул, потому что Пилигриму строжайше запрещено показывать свое лицо. Неужели он забыл, что в отличие от него я зрячий?

– Вряд ли тебе будет приятно это зрелище, – сказал он, сняв маску.

Бронзовая решетка соскользнула с его лба, и первое, что я увидел, – это его глаза, вернее, пустые глазницы, зияющие отверстия, в которые проник не нож хирурга, а, возможно, чьи-то пальцы, а затем острый царственный нос и, наконец, изогнутые, поджатые губы. Принц Роума.

– Ваше величество! – воскликнул я.

На его щеках засохли следы крови. Вокруг пустых глазниц блестела мазь. Вряд ли он испытывал боль, потому что он убил ее этими зелеными мазками, но та боль, которая пронзила меня, была невыносимой.

– Величества больше нет, – сказал он. – Помогите мне с маской! – Он дрожащими руками протянул мне маску. – Ее края следовало бы отогнуть. Они больно давят мне на щеки. Здесь и здесь...

Я быстро выполнил его просьбу, лишь бы не видеть его изуродованное лицо.

Он вернул маску на место.

– Теперь я Пилигрим, – тихо сказал он. – Роум остался без принца. Можешь выдать меня, если хочешь, Наблюдатель... или же помогите мне попасть в Перрис. Если я когда-нибудь верну себе власть, обещаю, тебя ждет щедрое вознаграждение.

– Я не предатель, – ответил я ему.

Мы молча продолжили путь. У меня не было желания вести с ним пустопорожние разговоры. Впереди нас ждало гнетущее путешествие в Перрис, но я считал своим долгом стать его поводырем. Я думал о Гормоне и о том, как хорошо он сдержал свои клятвы. Я также подумал об Авлуэле. Сто раз с моего языка был готов сорваться вопрос к низверженному принцу, как его наложница Воздухоплавательница пережила ночь поражения, но я так и не спросил его.

Сгущались сумерки, но на западе перед нами золотисто-красным светом все еще светило солнце. Внезапно над моей головой промелькнула тень. Я резко остановился и издал сдавленный крик удивления.

В вышине над мной парила Авлуэла. Ее кожа переливалась всеми цветами заката, ее крылья были расправлены во всю свою ширь, сияя всеми оттенками спектра. Она уже взмыла над землей как минимум на высоту в сто раз больше человеческого роста и все еще продолжала подниматься. Должно быть, я казался ей лишь крошечным пятнышком среди деревьев.

– Что такое? – спросил принц. – Что ты видишь?

– Ничего.

– Скажи мне, что ты видишь!

Я не мог его обмануть:

– Я вижу Воздухоплавательницу, ваше величество. Худенькую девушку высоко в воздухе.

– Значит, уже наступила ночь.

– Нет, – ответил я. – Солнце все еще стоит над горизонтом.

– Но как такое возможно? У нее могут быть только ночные крылья. Солнце швырнет ее на землю.

Я медлил с ответом. Я не решался объяснить ему, почему Авлуэла летела днем, хотя у нее имелись только ночные крылья. Я не мог сказать принцу Роума, что рядом с ней, бескрылый, без усилий двигаясь по воздуху, летел захватчик Гормон, обнимая ее тонкие плечи, поддерживая ее, направляя, помогая ей противостоять давлению солнечного ветра. Я не мог сказать ему, что прямо над его головой с последней из его наложниц летел его заклятый враг.

– Итак? – потребовал он. – Как она летает днем?

– Я не знаю, – ответил я. – Для меня это загадка. В настоящее время мне многое непонятно.

Принца, похоже, мой ответ удовлетворил.

– Да, Наблюдатель. Есть много такого, чего никто из нас не в состоянии понять, – сказал он и вновь погрузился в молчание.

Мне страстно хотелось позвать Авлуэлу, но я знал: она не услышит меня. Ведя слепого принца, я двинулся дальше, навстречу закату и Перрису. В небе над нами Авлуэла и Гормон устремились вперед. Их силуэты резко выделялись на фоне последнего света угасающего дня, пока они не поднялись так высоко, что полностью исчезли из вида.

Часть II

Среди летописцев

1

Странствовать с поверженным принцем нелегко. Он лишился глаз, но не гордости; слепота не научила его смирению. Он носил плащ и маску Пилигрима, но в его душе не было ни благодати, ни благочестия. Под маской он все еще оставался принцем Роума.

Теперь весь его двор составлял лишь я один. Стояла ранняя весна, и мы шагали по дороге, ведущей к Перрису. Я вел его правильными дорогами. Я по его приказу развлекал его рассказами о моих странствиях. Я поддерживал его дух в моменты мрачного настроения. Взамен я почти ничего не получал, кроме гарантии не остаться голодным. Пилигриму никто не отказывает в еде, и в каждой деревне на нашем пути, где мы останавливались на постоянных дворах, его кормили, а мне, как его спутнику, также давали поесть. Однажды, в начале нашего пути, он забылся и надменно велел трактирщику:

– Смотри, накорми и моего слугу!

Ослепленный принц не мог видеть недоумения на его лице – зачем Пилигриму понадобился слуга? – но я улыбнулся трактирщику, подмигнул и постучал себя по лбу. Трактирщик все понял и без всяких возражений обслужил нас обоих. Позже я объяснил принцу его ошибку, и после этого он всегда называл меня своим спутником. И все же я знал: для него я всего лишь слуга.

Погода была хорошей. С наступлением весны в Эйропе потеплело. Вдоль дороги зеленели тонкие ивы и тополя, хотя большая часть пути из Роума была усажена пышными инопланетными деревьями, привезенными в экстравагантные дни Второго Цикла. Их сине-голубая листва сопротивлялась нашей жалкой эйропской зиме. Птицы тоже возвращались со своего зимовья в Африке. Они порхали над головой, пели, обсуждали между собой смену хозяев в мире.

– Они издеваются надо мной, – сказал принц как-то раз на рассвете. – Они поют мне, зная, что я не могу видеть их яркое оперение!

О, он был ожесточен, и на то имелись веские причины! Он, кто имел все и все потерял, – ему было что оплакивать. Для меня поражение Земли означало лишь конец моим привычкам. В остальном все осталось прежним: хотя необходимость в моих Наблюдениях отпала, я по-прежнему бродил по белу свету в одиночестве, даже когда, как сейчас, у меня был спутник. Мне не давал покоя вопрос, знал ли принц, почему его ослепили? Что, если в момент своего триумфа Гормон объяснил принцу, что ему стоила глаз такая банальная вещь, как ревность?

– Ты взял Авлуэлу, – мог сказать ему Гормон. – Ты увидел маленькую Воздухоплавательницу и решил с ней развлечься. И ты сказал, девочка, иди-ка ко мне в постель. Ты не видел в ней человека. Не думал о том, что она может предпочесть других. Ты думал так, как мог думать принц Роума, – что все обязаны выполнять твои прихоти. Так получай! – И длинные, острые пальцы вонзаются тебе в глаза.

Но я не осмелился спросить. Во мне еще сохранялся трепет перед этим низвергнутым монархом. Вторгнуться в его личную жизнь, завязать с ним разговор о его несчастьях, как если бы он был обычным спутником, – на это я не решался. Я говорил, лишь когда он обращался ко мне. Я начинал разговор по команде. Все остальное время я молчал, как то положено доброму простолюдину в присутствии венценосной особы.

Но каждый день напоминал нам, что принц Роума венценосной особой больше не был.

Над головой пролетали захватчики, иногда на летающих платформах или колесницах, иногда сами по себе. Их было много. Они проводили инвентаризацию своего нового мира. Их тени мелькали над нами, словно крошечные затмения. Я поднял глаза, чтобы увидеть наших новых хозяев, и, как ни странно, не ощутил к ним злости, лишь облегчение от того, что долгое бдение землян позади. Для принца все было иначе. Казалось, он всегда знал, что над нами пролетел захватчик. В таких случаях он сжимал кулаки, хмурился и шептал черные проклятия. Неужели его зрительные нервы все еще неким образом улавливали движения теней? Или же его остальные чувства были настолько обострены потерей одного, что его уши улавливали едва слышное жужжание летящей платформы, а его ноздри – запах кожи парящих в небе захватчиков? Я не спрашивал. Я старался ничего не спрашивать.

Иногда ночью, думая, что я сплю, он рыдал. В эти минуты мне было его жаль. В конце концов, он был так молод и уже потерял все, что имел. В те мрачные часы я узнал, что даже рыдания принца не такие, как у обычных людей. В его рыданиях слышался вызов, воинственность, злость. И все же он рыдал.

Большую часть времени он проявлял стойкость, как будто смирившись с потерями. Он ставил одну ногу перед другой и бодро шел рядом со мной, и каждый шаг уводил его все дальше от его великого города Роума и все больше приближал к Перрису. В иные моменты, когда мне удавалось заглянуть под бронзовую решетку его маски, мне казалось, будто я вижу под ней его свернувшуюся душу. Его с трудом сдерживаемая ярость находила свой выход. Он срывал ее на мне – высмеивал мой возраст, мой низкий ранг, пустоту моей жизни, ее никчемность после вторжения захватчиков. Он играл со мной.

– Скажи мне свое имя, Наблюдатель!

– Это запрещено, ваше величество.

– Старые законы теперь не действуют. Давай, приятель, нам ведь идти вместе еще несколько месяцев. Нежели все это время я должен называть тебя Наблюдателем?

– Это правило моей гильдии.

– Мое правило, – сердито бросил он, – отдавать приказы и требовать их исполнения. Твое имя?!

– Даже Доминаторы без уважительной причины и письменного разрешения главы гильдии не могут требовать от Наблюдателя назвать свое имя.

Принц плюнул с досады.

– Шакал, как ты смеешь перечить мне, когда я в таком положении! Будь мы сейчас во дворце, ты бы никогда не посмел так вести себя!

– В вашем дворце, ваше величество, вы не стали бы предъявлять мне это несправедливое требование в присутствии вашего двора. У Доминаторов тоже есть обязательства. Одно из них – уважать правила низших гильдий.

– Он еще читает мне нотации, – раздраженно буркнул принц и улегся рядом с дорогой.

Растянувшись на поросшем травой склоне, он откинулся назад, нащупал одно из звездных деревьев, оторвал несколько острых листьев и сжал их в кулаке. Я подозревал, что они больно впились ему в ладони. Я стоял рядом с ним. Мимо нас прогремела тяжелая наземная колесница, первая на пустой дороге за все утро. В ней сидели захватчики. Некоторые даже помахали нам.

– Мое имя Энрик, – спустя какое-то время сказал принц, уже без злости, а скорее заискивающим тоном. – А теперь скажи мне свое.

– Оставьте меня в покое, ваше величество.

– Но теперь ты знаешь мое имя! Мне, как и тебе, строго запрещено называть его!

– Я не просил его называть, – парировал я. В конце концов я так и не назвал ему свое имя. Это была довольно жалкая победа – отказать в просьбе бессильному принцу, но он тысячью мелких способов заставил меня заплатить за нее.

Он унижал, дразнил, высмеивал, проклинал, ругал меня. Он с презрением отзывался о моей гильдии. Он требовал от меня унижительных услуг. Я смазывал его металлическую маску. Я губкой закладывал мазь в его пустые глазницы, я делал другие вещи, слишком унижительные, чтобы о них вспоминать. И так мы брели по дороге, ведущей к Перрису, опустошенный старик и опустошенный юноша, полные ненависти друг к другу и одновременно скованные нуждами и обязанностями спутников.

Это было трудное время. Я был вынужден терпеть перепады его настроения: он то взлетал до космического восторга по поводу своих планов освобождения покоренной Земли, то, осознав, что завоевание окончательно, погружался в бездну уныния. Я был вынужден защищать моего спутника от его гордыни и вспыльчивости в деревнях, где он порой вел себя так, словно все еще оставался принцем Роума, – грубо приказывал людям и даже распускал руки, что было совершенно не к лицу святому Пилигриму.

Хуже того, мне приходилось потакать его похоти, покупая ему женщин, которые приходили к нему в темноте, не подозревая, что они имеют дело с тем, кто выдавал себя за Пилигрима. По большому счету он был мошенником, ибо у него не было звездного камня, с помощью которого Пилигримы общаются с Волей. Я каким-то чудом помогал ему преодолевать все эти кризисы, даже в тот момент, когда на дороге нам повстречался другой Пилигрим, настоящий. Это был внушительного вида, назойливый старик, склонный к богословским спорам.

– Давай поговорим об имманентности Воли, – сказал он принцу, и тот, пребывая в тот день в дурном настроении, непристойно ему ответил.

Я незаметно пнул царственную голень, а шокированному Пилигриму сказал:

– Наш друг сегодня нездоров. Прошлой ночью он общался с Волей и получил откровение, которое взволновало его разум. Прощу тебя, давай продолжим наш путь и не будем говорить о святости, пока он вновь не станет самим собой.

Благодаря таким импровизациям мы и проделали наше путешествие.

Между тем дни становились теплее, и настроение принца улучшилось. Возможно, он примирился с постигшей его катастрофой или же, замкнутый в темнице своего черепа, обучал себя новой тактике выживания. Он почти легкомысленно говорил о себе, своем падении, своем унижении. Он говорил об утраченной им власти в выражениях, что безошибочно свидетельствовали о том, что он не питал иллюзий по поводу того, что когда-либо вернет ее назад. Он рассуждал о своих богатствах, о женщинах, о драгоценностях, о диковинных машинах, о Перерожденцах и Музыкантах, Сервиторах и Мастерах и даже о других Доминаторах, преклонявших перед ним колени. Не скажу, что он был мне симпатичен, но, по крайней мере, в такие моменты я видел за бесстрастной маской страдающего человека.

Он даже признал во мне человека. Представляю, чего ему это стоило.

– Проблема с властью в том, Наблюдатель, – изрек он, – что она отсекает тебя от людей. Люди становятся вещами. Возьмем тебя. Для меня ты был не чем иным, как ходячей машиной, наблюдавшей за небесами на случай вторжения захватчиков. А ведь у тебя наверняка имелись мечты, амбиции, обиды и все остальное, но я воспринимал тебя как дряхлого старика, не имеющего самостоятельного существования вне функции твой гильдии. Теперь, будучи слеп, я вижу гораздо больше.

– И что ты видишь?

– Когда-то ты был молод, Наблюдатель. У тебя был город, который ты любил. Семья. Даже девушка. Ты выбрал сам – или же за тебя выбрали – гильдию, ты пошел в ученичество, ты старался. У тебя болела голова, у тебя болел живот, ты пережил немало тяжелых минут, терзаясь вопросом, для чего все это нужно. И ты видел, как мы гордо ехали мимо, Мастера, Доминаторы, и это было похоже на пролетавшие мимо кометы. И вот теперь мы вместе, заброшенные превратностями судьбы на дорогу в Перрис. А кто из нас сейчас счастливее?

– Я выше счастья или печали, – сказал я.

– Неужели? Неужели? Или это черта, за которой ты прячешься? Скажи мне, Наблюдатель: я знаю, что твоя гильдия запрещает тебе жениться, но любил ли ты когда-нибудь?

– Иногда.

– И ты сейчас выше любви?

– Я стар, – уклончиво ответил я.

– Но ты мог бы полюбить. Ты вполне мог бы полюбить. Ведь теперь ты свободен от обетов своей гильдии, верно? Ты можешь взять себе жену.

– Кому я нужен? – рассмеялся я.

– Не говори так. Ты еще не стар. У тебя есть сильные стороны. Ты видел мир, ты понимаешь жизнь. В Перрисе найдешь себе девушку, которая... – Он на миг умолк. – Ты когда-нибудь испытывал искушение, хотя и был связан своими обетами?

В этот момент над нами пролетела Воздухоплавательница. Это была женщина средних лет, и ей стоило трудов оставаться в воздухе, так как дневной свет все еще давил на ее крылья. Я тотчас испытал острую боль. Мне хотелось сказать принцу: да, да, я познал искушение, недавно была юная Воздухоплавательница, почти ребенок, по имени Авлуэла, и я по-своему любил ее, хотя ни разу не прикоснулся к ней, и я люблю ее до сих пор.

Но я ничего не сказал принцу Энрику.

Зато я с завистью посмотрел на эту Воздухоплавательницу, куда более свободную, нежели я, ведь у нее имелись крылья, и в этот теплый весенний вечер я ощутил холод одиночества и печали.

– Далеко еще до Перриса? – спросил принц.

– Мы продолжим наш путь и однажды доберемся туда.

– А потом?

– Для меня – ученичество в гильдии Летописцев и новая жизнь. А для тебя?

– Я надеюсь найти там друзей, – ответил он.

И мы пошли дальше, шагая по много часов каждый день. Случалось, нас кто-то обгонял, кто-то предлагал подвезти нас, но мы отказывались. Захватчики на заставах наверняка будут выискивать таких странствующих представителей бывшей знати, как принц. Мы долго шли туннелем длиной в несколько миль под высокими горами, покрытыми шапками льда, и вышли на плоскую равнину, где жили крестьяне. Мы делали остановки на берегах рек, чтобы охладить наши натруженные стопы. Вскоре на нас обрушилось солнечное лето.

Мы шли по миру, но не принадлежали ему. Мы не слышали никаких новостей о завоевании, хотя было очевидно, что захватчики теперь здесь полноправные хозяева. В своих небольших воздушных колесницах они парили повсюду, глядя сверху на наш мир, который теперь принадлежал им.

Я выполнял все прихоти принца, включая самые неприятные. Я пытался сделать его жизнь менее тягостной. Я дарил ему ощущение того, что он по-прежнему повелитель, пусть даже лишь одного бесполезного старого Наблюдателя. Я также научил его, как лучше маскироваться под Пилигрима. Из того, что я знал, я обучил его позам, фразам, молитвам. Было очевидно, что в бытность владыкой Роума он провел не слишком много времени в общении с Волей. Теперь он исповедовал веру, но та была неискренней, частью его камуфляжа.

В городе под названием Дижон он сказал:

– Здесь я куплю глаза.

Разумеется, не настоящие. Секрет создания таких протезов был утрачен во Втором Цикле.

Обитателям более удачливых звезд доступно любое чудо, были бы деньги, но наша Земля – убогий, несчастный мир на задворках вселенной. До завоевания принц мог отправиться туда, чтобы купить себе новое зрение, но теперь самое большее, что было ему доступно, – это способность отличить свет от тьмы. Даже это дало бы ему зачаток зрения; в настоящее время его

единственным поводырем кроме меня был ревербератор, предупреждавший о препятствиях на его пути. Но откуда ему известно, что в Дижоне он найдет мастера с необходимыми умениями? И чем он с ним расплатится?

– Этот человек, – сказал он, – брат одного из моих Писцов. Он из гильдии Ремесленников, и я часто покупал его работы в Роуме. Он изготовит для меня глаза.

– А цена?

– Я не совсем безденежный.

Мы остановились посреди поля искривленных пробковых деревьев, и принц распахнул свои одежды.

– Я несу резерв на случай чрезвычайных ситуаций, – сказал он, похлопав себя по мясистой части бедра. – Дай мне твой нож!

Я протянул ему нож. Схватив рукоятку, он нажал кнопку, включившую холодный острый луч света. Ощупав левой рукой бедро, чтобы найти нужное ему место, он зажал между двумя пальцами кожу и сделал хирургически точный разрез длиной два дюйма. Крови не было, как не было никаких признаков того, что ему больно. Я стоял, разинув рот. У меня на глазах он сунул в разрез пальцы, раздвинул края и что-то нащупал, словно в мешке. Затем бросил мне назад мой нож.

Из разреза посыпались драгоценности.

– Следи, чтобы ничего не пропало, – велел он мне.

На траву упали семь сверкающих драгоценных камней инопланетного происхождения, небольшой, мастерски сделанный небесный глобус, пять золотых монет Имперского Роума прошедших циклов, кольцо с пылающей вставкой квазижизни, флакон неизвестных духов, набор миниатюрных музыкальных инструментов из ценных пород дерева и металлов, восемь статуэток царственного вида мужчин и многое другое. Я сгреб эти диковинки в ослепительную грудку.

– Кожный карман, – спокойно пояснил принц, – который опытный хирург вживил в мою плоть. Я предвидел, что в один прекрасный день мне придется поспешно покинуть дворец. Я сложил в него все, что мог. Там осталось еще гораздо больше всего. Скажи мне, скажи мне, что я вынул!

Я перечислил ему. Он внимательно выслушал до конца, и я знал: он вел счет всего, что высыпалось наружу, и проверял мою честность. Когда я закончил, он довольно кивнул.

– Возьми глобус, – сказал он, – и кольцо, и два самых ярких камня. Спрячь их в своей сумке. Все остальное положи назад, – с этими словами он раздвинул края разреза, и я одну за другой опустил драгоценности внутрь, где они пополнили тайник других великолепных вещей, хранившихся в другом измерении, выход из которого был встроен в ногу принца.

В его бедре вполне могла храниться половина всех сокровищ дворца. Когда я закончил, он сжал разрез, и тот у меня на глазах зажил без следа. Принц вновь облачился в одежды Пилигрима.

В городе мы быстро нашли мастерскую Ремесленника Бордо. Это был коренастый мужчина с веснушчатым лицом, седой бородой, тиком в одном глазу и плоским грубым носом, но его пальцы были столь же тонки, как у женщины. Его мастерская была темной, с пыльными деревянными полками и крошечными окнами. Этому зданию могло быть тысяч десять лет. На витрине было выставлено несколько элегантных изделий. Большинство же были довольно грубыми. Он настороженно посмотрел на нас, явно сбитый с толку тем, что к нему пожаловали Наблюдатель и Пилигрим.

Принц толкнул меня в бок.

– Моему другу нужны глаза, – сказал я.

– Да, я делаю такое устройство. Но оно стоит больших денег, и его изготовление требует много месяцев. Пилигриму оно явно не по карману.

Я положил на старый прилавок одну драгоценность.

– У нас есть средства.

Потрясенный Бордо схватил драгоценный камень, повертел его так и сяк и увидел инопланетные огни, пылающие в его сердце.

– Если вы вернетесь, когда будут падать листья...

– У тебя нет глаз в наличии? – спросил я.

Ремесленник осклабился:

– Мне редко заказывают такие вещи. Поэтому я почти не держу запасов.

Я положил рядом небесный глобус. Бордо тотчас признал в нем работу мастера, и челюсть его отвисла. Взяв глобус в одну руку, другой он потянул себя за бороду. Я дал ему налюбоваться глобусом, затем взял его обратно и сказал:

– До осени слишком долго ждать. Боюсь, нам придется попытать счастья в другом месте. Возможно, в Перрисе. – Я схватил принца за локоть, и мы побрели к двери.

– Стой! – окликнул меня Бордо. – По крайней мере, дай мне проверить! Возможно, у меня найдется пара... – И он начал яростно рыться в ящиках на дальней стене его лавки.

Разумеется, у него имелись в наличии глаза, и я немного поторговался с ним. В конце концов, мы сошлись на глобусе, кольцо и одном драгоценном камне. Пока мы торговались, принц молчал. Я настоял, чтобы глаза были установлены немедленно. Бордо, взволнованно кивая, закрыл свою лавку, нахлобучил нейрошлем и вызвал Хирурга с желтым лицом. Вскоре предварительные этапы операции уже шли полным ходом. Принц лежал на столе в закрытой стерильной комнате. Он снял ревербератор, а затем и маску, обнажив острые черты лица. Бордо, который бывал при дворе принца Роума, изумленно ахнул и открыл было рот, чтобы что-то сказать. Моя нога тяжело опустилась на его ногу. Бордо тотчас прикусил язык, и Хирург, ни о чем не подозревая, приступил к обработке пустых глазниц.

Глаза были жемчужно-серыми сферами, меньше, чем настоящие, и с поперечными разрезами. Какой механизм был внутри, этого я не знаю, но из их задней части торчали крошечные золотые нити, которые подсоединяются к нервам. Большую часть операции принц спал, а я стоял рядом. Бордо помогал Хирургу. Затем оперируемого пришлось разбудить. Его лицо тотчас исказила гримаса боли, но он так быстро овладел собой, что, видя такую стойкость, Бордо пробормотал слова молитвы.

– Немного света сюда, – сказал хирург.

Бордо подтолкнул парящий шар ближе.

– Да, да, я вижу разницу, – сказал Принц.

– Нужно еще раз проверить. И отрегулировать, – сказал Хирург.

Бордо вышел на улицу. Я – за ним следом. Он дрожал, лицо его позеленело от страха.

– Ты сейчас нас убьешь? – спросил он.

– Конечно, нет.

– Я узнал...

– Ты узнал бедного Пилигрима, – сказал я, – на которого во время его странствий обрушилась ужасное несчастье. Вот и все. Ничего больше.

Я некоторое время осматривал товары Бордо. Затем появились Хирург и его пациент. Теперь в глазницах принца блестели жемчужные сферы с мениском ложной плоти вокруг них, чтобы они как можно плотнее сидели в глазницах. С этими мертвыми шариками вместо глаз он выглядел скорее как машина, а не как человек, и, когда он двигал головой, зрачки-щели то расширялись, то сужались, то снова расширялись, тихо и незаметно.

– Взгляни, – сказал он и прошел через комнату, указывая на предметы и даже называя их. Я знал: он видел их как будто сквозь толстую пелену, но, по крайней мере, ему были видны их очертания.

Он снова надел маску, и к вечеру мы покинули Дижон.

Похоже, принц воспрянул духом. Увы, шары в его глазницах были жалкой заменой того, что отнял у него Гормон, и довольно скоро он сам это понял. Той ночью, когда мы лежали на несвежих простынях на кроватях гостиницы Пилигримов, Принц разразился бессловесными криками ярости. В неверном свете истинной луны и двух ложных я увидел, как он вскинул руки, как острыми ногтями впился в лицо воображаемому врагу, а затем повторял это снова, и снова, и снова...

2

Когда мы наконец достигли Перриса, лето уже было на исходе. Мы вошли в город с юга, шагая по широкой дороге, обсаженной с обеих сторон старыми деревьями, под мелким, морозящим дождем. Порывы ветра носили вокруг нас высохшие листья. Та полная ужаса ночь, когда мы оба бежали из покоренного Роума, теперь казалась почти сном. Весна и лето закалили наш дух, а серые башни Перриса как будто таили в себе обещание новой жизни. Я подозревал, что мы обманываем самих себя, ибо что мог дать мир поверженному принцу, который видел лишь тени, и Наблюдателю, давно пережившему свои лучшие годы?

Это был куда более мрачный город, чем Роум. Даже в конце зимы над Роумом всегда было ясное небо и яркий солнечный свет. Перрис же казался вечно затянутым тучами, а здания и улицы выглядели серыми унылыми. Даже городские стены были пепельно-серыми, без всякого блеска. Ворота города были распахнуты настежь.

Рядом с ними стоял маленький угрюмый человек в форме гильдии Стражей, который, когда мы подошли ближе, даже не поинтересовался, что привело нас в город. Я вопросительно посмотрел на него. Он покачал головой.

– Проходи, Наблюдатель.

– Без всякой проверки?

– Разве ты не слышал? Все города шесть ночей назад были объявлены свободными. Приказ захватчиков. Ворота теперь никогда не закрываются. У половины Стражей нет работы.

– Я думал, захватчики ищут врагов, – сказал я. – Бывшую знать.

– У них есть свои заставы в других местах, и в Стражах нет нужды. Город свободен. Входите. Входите.

– Тогда почему ты здесь? – спросил я, проходя внутрь.

– Это был мой пост в течение сорока лет, – ответил Страж. – Куда мне пойти?

Я жестом выразил ему сочувствие, и мы с Принцем вошли в Перрис.

– Пять раз я входил в Перрис через южные ворота, – сказал Принц. – Вернее, въезжал на колеснице, а впереди шли мои Перерожденцы, издавая горлом хвалебные гимны. Мы шли к реке, мимо древних зданий и памятников, во дворец графа Перриса. А вечером мы танцевали на гравитационных платформах высоко над городом и любовались балетом Воздухоплателей, а с Башни Перриса в мою честь было устроено небесное сияние. А вино! Красное вино Перриса. А женщины в откровенных платьях, их груди с красными сосками, их сладкие бедра! Мы купались в вине, Наблюдатель. – Он указал куда-то вперед. – Это Башня Перриса?

– Думаю, что это руины погодной машины этого города, – сказал я.

– Погодная машина была бы вертикальной колонной. То, что я вижу, сужается от широкого основания к тонкой вершине, как и Башня Перриса.

– То, что я вижу, – мягко сказал я, – это вертикальная колонна, высотой не менее чем в тридцать раз выше человеческого роста, и заканчивается грубыми краями. Башня вряд ли расположена так близко к южным воротам?

– Нет, – сказал принц и грязно выругался себе под нос. – Значит, погодная машина. От глаз Бордо почти никакого толку. Я обольщаю себя, Наблюдатель. Я обольщаю себя. Найди нейрошлем и проверь, убежал ли из города граф.

Я еще пару секунд смотрел на усеченную колонну метеорологической машины, фантастического устройства, навлекшего столько бедствий на наш мир во Втором цикле. Я попытался проникнуть в ее гладкие, почти маслянистые мраморные бока, чтобы увидеть переплетенные кишки таинственных устройств, способных потопить целые континенты, – те самые, что когда-то давно превратили мою родину на западе из горной страны в цепочку островов.

Затем я отвернулся, надел общественный нейрошлем и спросил про графа. Услышав ответ, который и ожидал, я потребовал назвать мне места, где мы могли бы получить крышу над головой.

– И что? – спросил принц.

– Граф Перриса вместе со всеми его сыновьями был убит во время завоевания. Его династия уничтожена, его титул упразднен, его дворец превращен захватчиками в музей. Остальная часть местной знати мертва или сбежала. Я найду для тебя место в приюте Пилигримов.

– Нет. Возьми меня с собой к Летописцам!

– Теперь ты предпочитаешь их гильдию?

Принц сделал нетерпеливый жест.

– Нет, глупец! Но как я могу остаться в чужом городе один, без друзей? Что бы я сказал истинным Пилигримам в их общечитии? Я останусь с тобой. Летописцы вряд ли отправят восвояси слепого Пилигрима.

Он лишил меня выбора. И мы направили наши стопы в Зал Летописцев.

Нам пришлось пересечь полгорода, и это отняло у нас почти целый день. На мой взгляд, в Перрисе царила неразбериха. Приход захватчиков нарушил структуру нашего общества, освободив от их дел большие группы людей, в ряде случаев целые гильдии. Я видел на улицах десятки моих товарищей-Наблюдателей. Некоторые из них все еще тащили с собой свои ящики с инструментами, другие, как я, сбросили с себя это бремя и вряд ли знали, чем занять свои руки. Мои собратья по гильдии выглядели подавленными и неприкаянными. Теперь, когда от дисциплины ничего не осталось, многие из них явно пустились в загул. Потом были Стражи, тоже никому не нужные и озлобленные, ведь охранять было больше нечего, и Защитники, растерянные и ошеломленные поражением. Я не заметил ни Мастеров, ни Доминаторов, зато увидел много безработных Клоунов, Музыкантов, Писцов и прочей придворной челяди, слонявшейся без дела.

Мне также встречались полчища тупых Кастратов, их почти безмозглые тела стали еще более дряблыми от безделья. Лишь Торговцы и Сомнамбулисты, похоже, не остались без работы.

Присутствие захватчиков бросалось в глаза на каждом шагу. По двое или по трое они разгуливали по каждой улице. Их длинные верхние конечности болтались почти до колен, их веки были тяжелы, их ноздри спрятаны за фильтрационными масками, их губы – полны, а когда их рот бывал закрыт, то почти не был виден. Большинство из них были облачены в одинаковые одежды темно-зеленого цвета, возможно, в военную форму. Некоторые имели при себе оружие неожиданно примитивного вида – какие-то большие тяжелые штуковины, переброшенные за спину, вероятно, скорее, для устрашения аборигенов, нежели для самообороны. Разгуливая среди нас, они казались в целом спокойными – добродушные завоеватели, уверенные в себе и гордые, которым нет причин опасаться покоренного населения. И все же тот факт, что они никогда не ходили поодиночке, говорил сам за себя: внутри ими владела настороженность. Но лично меня их присутствие не возмущало и не коробило, даже когда они как хозяева разглядывали древние памятники Перриса. А вот принц Роума, для которого все фигуры были лишь вертикальными темно-серыми полосами на фоне светло-серого поля, инстинктивно ощущал их близость и всякий раз шумно втягивал в себя воздух, как будто столкнулся с врагом.

В городе также было гораздо больше инопланетных гостей, чем обычно, несколько сот видов существ с далеких звезд. Некоторые могли дышать нашим воздухом, другие расха-

живали в герметичных глобусах или небольших пирамидальных дыхательных коробках или контурных костюмах. Конечно, в самом присутствии пришельцев из далеких миров не было ничего необычного. Поражало другое – их огромное количество. Они были повсюду: бродили по храмам старых религий Земли, покупали у Торговцев на углах улиц блестящие модели Башни Перриса, неуклюже забирались на верхние уровни пешеходных галерей, заглядывали в окна домов, щелкали камерами, обменивали у фарцовщиков в темных закоулках валюту, заигрывали с Воздухоплавательницами и Сомнамбулистами, рисковали жизнью в наших ресторанах, передвигались, как стало баранов, от одной достопримечательности к другой. Казалось, будто наши захватчики бросили через все галактики клич: «ПОСМОТРИТЕ НА СТАРУЮ ЗЕМЛЮ СЕЙЧАС! ПОД НОВЫМ УПРАВЛЕНИЕМ!»

По крайней мере, местные нищие процветали. Инопланетным звездные туристы подавали плохо, зато исконные земляне преуспевали, за исключением Перерожденцев, ибо в них было трудно узнать аборигенов. Я видел, как некоторые из этих мутантов, недовольные тем, что им отказали, вымещали свою злобу на других нищих, которым повезло больше, набрасывались на них с кулаками, а тем временем зеваки из числа пришельцев спешили запечатлеть эту сцену, чтобы потом, вернувшись домой, позабавить своих братьев-домоседов.

В конце концов, мы добрались до Зала Летописцев.

Как и следовало ожидать, это было внушительное здание, хранившее в себе все прошлое нашей планеты.

Его громада вздымалась на южном берегу Сенна, прямо напротив столь же внушительного графского дворца. Но резиденция свергнутого графа была древним зданием, поистине древним, еще из Первого Цикла, – длинное закругленное сооружение из серого камня с зеленой металлической крышей в традиционном перрисском стиле, в то время как Зал Летописцев являл собой отполированную белую колонну, чью поверхность не нарушали никакие окна. Вокруг этой колонны от вершины и до основания вилась, сверкая золотом, спираль из полированного металла, на которой была начертана история человечества. Верхние витки спирали были пусты. С расстояния я ничего не мог прочесть. Мне стало интересно, нанесли ли на нее Летописцы надписи об окончательном поражении Земли? Позже я узнал, что они этого не сделали, – что история фактически завершалась концом Второго Цикла и многое из того, о чем было неприятно вспоминать, не вошло в анналы истории.

– Мы уже у Зала Летописцев? – раздраженно спросил Принц Энрик.

– Да, это Зал, – ответил я. – Белая башня.

– Я знаю, как он выглядит, идиот! Это... после наступления темноты я почти ничего не вижу... вон то здание, там?

– Вы указываете на дворец графа, величество.

– Тогда вот это.

– Да.

– Тогда почему мы не вошли в него?

– Я люблю Перрисом, – ответил я. – Никогда еще я не видел такой красоты. Роум тоже красив, но по-другому. Роум – император, Перрис – куртизанка.

– Ты говоришь стихами, дряхлый старик!

– Я чувствую, как годы спадают с моих плеч. Клянусь, я даже мог бы пуститься на улице в пляс. Этот город поет мне.

– Входи. Входи. Мы здесь для того, чтобы увидеть Летописцев. Пусть он споет тебе позже.

Я вздохнул и повел его ко входу в огромный зал. Мы поднялись по ступеням из черного блестящего камня, и лучи света падали на нас, сканируя и учитывая. Громадная черная дверь, в пять человек в ширину и десять в высоту, оказалась лишь проецированной иллюзией, ибо, когда мы приблизились к ней, я ощутил ее глубину, увидел сводчатый зал и понял, что она обман зрения. А проходя через нее, я также ощутил смутное тепло и странный аромат.

Внутри был гигантский вестибюль, почти такой же огромный, как и внутреннее пространство дворца принца Роума. Все было белым, камень источал внутреннее сияние, омывавшее все вокруг своим блеском. Справа и слева массивные дверные проемы вели к внутренним крыльям зала. Хотя уже наступила ночь, у терминалов возле задней стены вестибюля толпились люди – экраны и шлемы позволяли им получить доступ к основным файлам гильдии Летописцев. Я с интересом отметил, что многие из тех, кто пришел сюда с вопросами о прошлом человечества, были захватчиками.

Мы шли через зал, и наши шаги отдавались на каменном полу гулким эхом. Никаких Летописцев я не увидел. Поэтому я подошел к терминалу, надел нейрошлем и уведомил забальзамированный мозг, с которым тот был связан, что я ищу Базиля-Летописца, с которым я кратко пересекся в Роуме.

– Какое у тебя к нему дело?

– Я принес его шаль, которую он оставил на мое попечение, когда бежал из Роума.

– Летописец Базиль вернулся в Роум, чтобы с разрешения победителей завершить свои исследования. Я пришлю тебе еще одного члена гильдии. Он заберет у тебя шаль.

Нам не пришлось ждать долго. Мы стояли вместе в задней части вестибюля. Я созерцал странную картину – толпы пришедших обрести знания. Вскоре к нам подошел толстый мужчина с неприветливым лицом, на несколько лет моложе меня, но все же не молодой. На его широкие плечи был наброшен платок его гильдии.

– Я Летописец Элегро, – объявил он.

– Я принес тебе шаль Базиля.

– Следуй за мной.

Как оказалось, он появился из незаметной двери в стене, где скользящий блок поворачивался на шарнирах. Теперь он снова сдвинул его и быстро зашагал по коридору. Я крикнул ему, что мой собеседник слеп и не может угнаться за ним, и тогда Летописец Элегро остановился, явно недовольный. Его рот и губы неприветливо скривились, и он сунул короткие пальцы в свою пышную курчавую бороду. Когда мы догнали его, он зашагал уже не так быстро. Миновав бесконечное количество проходов, мы наконец оказались в кабинете Элегро, где-то высоко в башне.

Комната была темной, зато набита экранами, шлемами, оборудованием для записи, голосовыми коробками и другими научными приборами. Стены были задрапированы пурпурно-черной тканью, по всей видимости, живой, поскольку ее складки подрагивали в пульсирующем ритме. Три парящих шара испускали приглушенный свет.

– Шаль, – сказал Элегро.

Я вынул из сумки шаль. Я забавы ради носил ее какое-то время в те первые смутные дни завоевания – в конце концов, я не вырывал ее у Базиля. Тот сам оставил ее в моих руках, когда бежал по улице, и явно не заботился о своей потере. Но вскоре я убрал шаль, ибо это приводило многих в замешательство: человека в одежде Наблюдателя, который носил шаль Летописца. Элегро взял ее у меня и, развернув, придирчиво осмотрел, как будто искал вшей.

– Откуда она у тебя?

– Мы с Базилем встретили друг друга на улице во время вторжения. Он был очень взволнован. Я попытался удержать его, но он пробежал мимо меня, и платок остался в моих руках.

– Он рассказал другую историю.

– Мне жаль, если я скомпрометировал его, – сказал я.

– В любом случае ты вернул его шаль. Сегодня вечером я сообщу об этом в Роум. Ты надеешься получить вознаграждение?

– Да.

– Какое именно? – недовольно спросил Элегро.

– Быть принятым в ряды Летописцев в качестве ученика.

Мой ответ привел его в замешательство:

– Но у тебя есть гильдия!

– Быть Наблюдателем в эти дни – значит быть без гильдии. За чем мне наблюдать? Я свободен от моих обетов.

– Может быть. Но ты стар, чтобы попробовать себя в новой гильдии.

– Стар, но не слишком.

– Наше ремесло весьма сложное.

– Я готов много работать. Я жажду учиться. В старости во мне проснулась любознательность.

– Стань Пилигримом, как твой друг. Посмотри на окружающий мир.

– Я видел мир. Теперь я хочу вступить в ряды Летописцев и изучать прошлое.

– Ты можешь получить нужную тебе информацию внизу. Наши терминалы открыты для тебя, Наблюдатель.

– Это не то же самое. Возьмите меня.

– Обратись лучше к Индексаторам, – предложил Элегро. – Работа похожая, но не такая сложная.

– И все же я настаиваю... хочу, чтобы меня приняли в ваши ряды.

Элегро тяжело вздохнул. Он сложил пальцы домиком, наклонил голову, изогнул губы. Он явно ни разу не сталкивался с чем-то подобным. Пока он размышлял, внутренняя дверь открылась и в комнату вошла женщина-Летописец с маленькой бирюзовой музыкальной сферой в руках. Сделав четыре шага, она резко остановилась. Она явно не ожидала застать у Элегро посетителей.

– Я вернусь позже, – сказала она, кивнув в знак извинения.

– Останься, – сказал Элегро и, повернувшись ко мне и принцу, добавил: – Моя жена. Летописец Олмейн. – Затем он повернулся к ней и сказал: – Это путники, только что прибывшие из Роума. Они доставили шаль Базиля. Наблюдатель просит принять его учеником в нашу гильдию. Что ты посоветуешь?

Олмейн нахмурила белый лоб и положила свою музыкальную сферу в темную хрустальную вазу. При этом она нечаянно активировала ее, и та, прежде чем Олмейн ее выключила, произвела дюжину мерцающих нот. Потом она взялась рассматривать нас, а я – ее. Она была заметно младше своего мужа, который был уже далеко не молод, в то время как она пребывала в расцвете лет. И все же чувствовалась в ней сила, которая говорила о ее большей зрелости. Возможно, подумал я, она побывала в Джорсleme, где прошла процедуру омоложения, но в таком случае было странно, что ее муж не сделал то же самое, если только он не ценил свой возраст. Она, безусловно, была хороша собой, широкое лицо с высоким лбом, красиво очерченные скулы, широкий чувственный рот и сильный подбородок. Ее черные как смоль волосы блестели, резко контрастируя со странной бледностью ее кожи. Такая белая кожа – редкость среди нас, хотя теперь я знаю, что в древние времена, когда наша порода была другой, эта белизна была обычным явлением. Авлуэла, моя милая маленькая Воздухоплавательница, являла собой ту же самую комбинацию черного и белого, но на этом сходство заканчивалось, потому что Авлуэла была хрупкой, а Летописец Олмейн – воплощение силы. Длинная стройная шея переходила в прямые, гордые плечи, далее следовала высокая грудь, крепкие ноги. Ее осанка была царственной.

Она долго рассматривала нас, и меня в конце концов начал раздражать пристальный взгляд ее широко расставленных темных глаз.

– То есть Наблюдатель считает себя способным стать одним из нас? – спросила она спустя минуту.

Похоже, ее вопрос был адресован любому, кто был готов на него ответить. Я медлил с ответом. Элегро тоже. Наконец, принц Роума произнес властным голосом:

– Наблюдатель имеет право вступить в вашу гильдию.

– А ты кто такой? – требовательно спросила Олмейн.

Принц поспешил перейти на более любезный тон:

– Бедный слепой Пилигрим, миледи, пешком проделавший путь сюда из Роума в обществе этого человека. Насколько я могу судить, ты вполне могла бы принять его в качестве ученика.

– А ты сам? Какие у тебя планы? – спросил Элегро.

– Я ищу здесь только убежища, – ответил принц. – Я устал от странствий и хотел бы предаться размышлениям. Думаю, вы могли бы позволить мне выполнять здесь небольшие поручения. Я бы не хотел разлучаться с моим спутником.

– Мы рассмотрим твою просьбу, – ответила мне Олмейн. – Если она будет одобрена, тебе будут даны тесты. Я буду твоим поручителем.

– Олмейн! – выпалил Элегро. Он явно не ожидал от нее этих слов.

Олмейн безмятежно улыбнулась всем нам.

Назревала семейная ссора, но она была предотвращена, и Летописцы предложили нам гостеприимство, соки, более крепкие напитки, ночлег. Мы поужинали отдельно от них, в одной из комнат их квартиры. Тем временем, чтобы рассмотреть мое необычное заявление, были вызваны другие Летописцы. Принц, похоже, пребывал в странном волнении. Он ронял еду, пролил флягу вина, неуклюже возился со столовыми приборами, то и дело тер пальцами серые металлические глазные яблоки, как будто пытался унять зуд в каких-то долях мозга.

– Опиши ее мне! – требовательно прошептал он мне.

Я выполнил его просьбу. Я подробно описал ее, на все лады раскрашивая свои слова, чтобы нарисовать ему самую яркую картину, какую только мог.

– Она прекрасна, говоришь?

– По-моему, да. В моем возрасте лучше иметь дело с абстрактными понятиями, а не с истечениями желез.

– Ее голос меня возбуждает, – признался принц. – В ней чувствуется сила. Царственность. Она просто обязана быть красавицей. Было бы несправедливо, если бы ее тело не соответствовало голосу.

– Она, – напомнил я, – жена другого человека, который оказал нам гостеприимство.

Я вспомнил день в Роуме, когда паланкин принца вынесли из дворца и как принц заметил Авлуэлу и приказал ей войти к нему, как он втащил ее сквозь занавес, чтобы насладиться ее телом. Доминатор мог поступить точно так же с простолюдинкой, но Пилигрим – нет, и я боялся замыслов принца Энрика. Он снова потрогал глаза. Мышцы его лица возбужденно подергивались.

– Обещай мне, что ты не покусишься на нее, – сказал я.

Уголок его рта дернулся. Догадываюсь, что это должно было стать началом гневной реплики, но он быстро овладел собой.

– Ты плохо меня знаешь, старик, – с усилием произнес он. – Я буду соблюдать законы гостеприимства. Будь добр, принеси мне еще вина, хорошо?

Я открыл дверцу ниши с напитками и взял вторую бутылку. Это было крепкое красное вино, а не золотое, как в Роуме. Я налил, и мы выпили. Бутылка быстро опустела. Я взял ее вдоль линий полярности, крутанул, и она лопнула и исчезла, как мыльный пузырь.

Через несколько секунд вошла Олмейн. Она сменила наряд. До этого на ней было повседневное платье тусклого оттенка и из грубой ткани, зато теперь – полупрозрачное алое, застегнутое между грудями. Сквозь него просвечивали все выпуклости ее тела, и я удивился, увидев, что она решила сохранить пупок. Тот нарушал гладкий плавный изгиб живота. Подозреваю, что это было сделано нарочно, чтобы возбуждать мужчин, потому что это едва не возбудило даже меня.

– Благодаря моему поручительству твоя заявка одобрена, – слегка высокомерно заявила она. – Испытания состоятся сегодня вечером. Если ты выдержишь их, то будешь принят в наше подразделение.

В ее глазах внезапно мелькнула хитринка.

– Хочу предупредить заранее: мой муж крайне недоволен. Но недовольства моего мужа не стоит бояться. Пойдемте со мной, вы оба.

Она взяла меня и принца за руки. Ее пальцы были прохладны. Меня била внутренняя лихорадка. Я удивлялся этому признаку второй молодости, который шевельнулся во мне, – и это без каких-либо целебных вод дома обновления в священном Джорследе!

– Подойдите, – сказала Олмейн и повела нас к месту испытания.

3

Так я перешел в гильдию Летописцев. Испытания были формальными. Олмейн привела нас в круглую комнату ближе к вершине высокой башни, чьи вогнутые стены были инкрустированы редкими породами дерева разных оттенков. От пола вверх поднимались ряды блестящих скамеек, а в центре располагалась спираль высотой в человечески рост, на которой были написаны буквы, слишком мелкие, чтобы их можно было прочесть. В зале лениво сидело с полдюжины Летописцев. Мне подумалось, что они все были там исключительно по прихоти Олмейн. Было видно, что их ни в малейшей степени не интересует старый, потрепанный жизнью Наблюдатель, чье прошение ей почему-то взбрело в голову поддержать.

Мне протянули нейрошлем. Скрипучий голос задал мне дюжину вопросов, проверяя мои типичные ответы, и также попросил сообщить некоторые подробности моей биографии. Я назвал им мое имя, под которым я был известен в гильдии, чтобы они могли связаться с местным ее главой и удостовериться, что я не самозванец, а также получить согласие на то, что я могу снять с себя обеты. Обычно снять с себя обеты Наблюдателя было невозможно, но это не были обычные времена, и я знал: моя гильдия практически уничтожена.

Все заняло около часа. Олмейн сама возложила на мои плечи шаль Летописца.

– Тебе предоставят комнату рядом с нашими апартаментами, – сказала она. – Тебе придется снять с себя одежду Наблюдателя, но твой друг может оставаться в одежде Пилигрима. Твое обучение начнется по завершении испытательного срока. Пока у тебя есть полный доступ к любому из наших резервуаров памяти. Надеюсь, ты отдаешь себе отчет в том, что ты будешь полностью принят в гильдию не ранее чем через десять лет.

– Да, отдаю, – ответил я.

– Отныне твое имя Томис, – сказала мне Олмейн. – Еще не Томис-Летописец, а Томис из Летописцев. Разница есть. Твое прошлое имя больше не имеет значения.

Нас с принцем провели в маленькую комнату, которую мне предстояло делить с ним. Это было довольно скромное место, однако там были удобства для омовений, розетки для нейрошлемов и других устройств, а также канал подачи пищи. Принц Энрик ходил по комнате и трогал вещи, стараясь запомнить их расположение. Время от времени он натывался на кнопки, и тогда из стен выскакивали шкафы, кровати, стулья, полки для хранения вещей. В конце концов, он запомнил, где что находится, и даже безошибочно активировал кровать, а из невидимой прорези в стене упала полоса света. Он вытянулся во весь рост.

– Скажи мне одну вещь, Томис из Летописцев.

– Какую?

– Меня снедает любопытство. Как тебя звали в прошлой жизни?

– Сейчас это не имеет значения.

– Ты больше не связан никакими обетами. Так ты скажешь мне или нет?

– Меня связывает старая привычка, – сказал я. – За долгие годы, а это вдвое больше, чем тебе лет, я привык не произносить свое имя, кроме как на законных основаниях.

– Назови его.

– Вуэллиг, – сказал я.

Этот поступок странным образом принес мне облегчение. Мое прежнее имя на миг повисло в воздухе перед моими губами, потом заметалось по комнате, словно выпущенная из клетки птица, взмыло вверх, описало резкий поворот, ударилось о стену и с тихим звоном разлетелось сотней осколков. Я вздрогнул.

– Вуэллиг, – повторил я. – Меня звали Вуэллиг.

– Вуэллига больше нет.

– Теперь есть Томис из Летописцев.

Мы оба рассмеялись и продолжали заливаться смехом, пока нам не сделалось больно. Ослепленный принц вскочил на ноги, и мы, как закадычные друзья, звонко стукнулись ладонями и стали раз за разом выкрикивать наши имена – мое имя, его имя, – словно мальчишки, которые выучили запретные слова, но, в конце концов, обнаружили, что те не более чем пустой звук.

Так началась моя новая жизнь среди Летописцев.

В течение некоторого времени я вообще не покидал их здания. Мои дни и ночи были полностью заняты, и я не видел Перриса. Принц тоже, хотя у него имелось свободное время. Он почти всегда оставался внутри, выходя из дома, лишь когда его одолевала скука или злость. Обычно с ним выходила Олмейн, или же он вместе с ней, чтобы не чувствовать себя одиноким в своей слепоте. Но я знал, что иногда он выходил один, пытаясь доказать, что, даже будучи слеп, вполне способен передвигаться по городу самостоятельно.

Мои часы бодрствования были поделены между следующими занятиями:

- + посещением вводных уроков;
- + выполнением обязанностей ученика;
- + личными изысканиями.

Как и следовало ожидать, я оказался гораздо старше всех других учеников. Большинство были юношами, почти детьми, и смотрели на меня в замешательстве, не в силах понять, каким ветром меня занесло в их ряды.

Было несколько довольно зрелых учеников, тех, кого в середине жизни привело сюда призвание, но и они все как один были моложе меня. Поэтому я не завел себе друзей среди однокашников.

Каждый день в течение нескольких часов мы изучали методы, с помощью которых Летописцы восстанавливают прошлое Земли. Мне показали лаборатории, где проводится анализ полевых образцов. В немом изумлении раскрыв глаза, я смотрел на детекторы, которые по распаду нескольких атомов определяют возраст артефакта. Я наблюдал, как разноцветные лучи, вылетающие из специальной пушки, превращали кусок дерева в пепел, вынуждая его раскрыть все его секреты. Моему взгляду представляли изображения прошлых событий, снятые с неодушевленных субстанций. Мы оставляем свои отпечатки повсюду, на каждом шагу: частицы света отскакивают от наших лиц, и поток фотонов уносит их в окружающую среду. Летописцы снимают их, классифицируют, исправляют. Я как-то раз вошел в комнату, где на жирной голубой пелене плавала фантазмагория лиц: исчезнувшие короли и главы гильдий, всеми забытые герцоги, славные герои древних эпох. Я видел, как техники с ледяными глазами вытягивали историю из горстей обугленного вещества. Я видел, как влажные комья мусора рассказывали о революциях и убийствах, о культурных изменениях, об отказе от обычаев и традиций.

Затем меня поверхностно ознакомили с приемами полевой работы. С помощью хитроумной симуляции мне показали, как Летописцы работают с вакуумными бурами, проводя раскопки холмов на месте великих разрушенных городов Африка и Асьи. Я даже «принял

участие» в подводных поисках остатков цивилизаций Затонувших Континентов. Сев в полупрозрачные машины, формой похожие на капли зеленого желатина, команды Летописцев устремлялись в глубины земного океана, все ниже и ниже, к покрытым слоем ослизлого ила прериям бывшей суши, и острыми фиолетовыми лучами бурили слои наносов и сваи под ними, чтобы обнажить скрытые истины. Я наблюдал за работой собирателей осколков, копателей теней, коллекционеров молекулярных пленок. Одно из самых сильных впечатлений во время этих вводных уроков на меня произвели кадры, на которых некоторые по-настоящему героические Летописцы раскопали древнюю метеорологическую машину в нижнем Африке и, обнажив основание этого гигантского сооружения, оторвали ее на силовых тросах от земли. Это был такой титанический труд, что, казалось, сама земля стонала от усилий. Они подняли в воздух эту тяжеловесную реликвию, образец безумия Второго Цикла, а тем временем эксперты в шпалях изучали зиявшую под ней яму, чтобы узнать, каким образом колонна была установлена. У меня глаза лезли на лоб от этого удивительного зрелища.

После этих сессий я проникся благоговейным трепетом перед гильдией, которую выбрал.

А вот сами Летописцы, по крайней мере, те, которых я знал, в целом казались мне напыщенными, высокомерными снобами или просто нелюдимыми типами; они не располагали к себе. Однако целое не сводимо к сумме его частей, и я видел таких людей, как Базиль и Элегро, столь далеких от обычных человеческих забот, бескорыстных и страстно увлеченных своим делом, вносящих свой вклад в колоссальные усилия по возвращению из небытия нашего славного прошлого. Это исследование канувших в Лету времен поражало, будучи единственной достойной заменой прежней деятельности человечества. Лишенные настоящего и будущего, мы были вынуждены сосредоточить свои усилия на прошлом, которое никто не мог отнять у нас, если только мы будем бдительными.

В течение многих дней я впитывал нюансы этой работы, каждый ее этап от сбора пылинок в поле до их обработки и анализа в лаборатории и самого благородного этапа, синтеза и интерпретации, которые были прерогативой Старших Летописцев на самом верхнем этаже этого здания. Я видел этих мудрецов лишь мельком: сухопарые и древние, они годились мне в деды. Их седые головы были опущены, тонкие губы шептали комментарии и интерпретации, придирки и исправления. Некоторые из них, как мне сообщили едва слышным шепотом, дважды, а иные и трижды омолаживались в Джорслеме и теперь уже не подлежат омоложению, пребывая в своем последнем почтенном возрасте.

Затем мы познакомились с резервуарами памяти, где Летописцы хранят свои находки и из которых выдают информацию для любопытных. Скажу честно, как бывший Наблюдатель, я питал невеликое любопытство и еще меньший интерес к посещению хранилищ памяти. Разумеется, я ни разу не видел ничего подобного, ибо резервуары памяти Летописцев – это вам не просто хранилища с тремя или пятью мозгами, а гигантские установки с сотней мозгов или более, подключенных последовательно. Помещение, в которое нас привели – одно из десятков под зданием, – было продолговатой, глубокой, но невысокой камерой. Шкафы с мозгами, выстроенные в ряды по девять штук, уходили далеко в темноту. Перспектива играла странные шутки; я не мог сказать, сколько там рядов, десять или пятьдесят, и вид этих обесцвеченных куполов внушал трепет.

– Это мозги бывших Летописцев? – спросил я.

На что наш гид ответил:

– Некоторые из них – да. Но использовать лишь мозги Летописцев – в этом необходимости нет. Подойдет любой нормальный человеческий мозг; даже мозг Сервитора имеет куда большую емкость хранения информации, чем ты думаешь. Нам не нужна избыточность в наших цепях. Мы умеем по максимуму использовать ресурсы каждого мозга.

Я попытался заглянуть сквозь тяжелый, но гладкий защитный экран, оберегавший резервуары памяти от внешних повреждений.

– Какая информация хранится в этой комнате? – спросил я.

– Имена жителей Африка во времена Второго Цикла и те личные данные каждого, какие мы на сегодняшний день смогли восстановить. Кроме того, поскольку эти клетки еще не полностью заполнены, мы временно храним в них некоторые географические данные о Затонувших Континентах и информацию, касающуюся постройки Сухопутного моста.

– Может ли такая информация быть легко перенесена из временного хранилища в постоянное? – уточнил я.

– Да, легко. Здесь все электромагнитное. Все факты представляют собой совокупность зарядов. Изменяя их полярность, мы перемещаем информацию из мозга в мозг.

– А если в сети произошел сбой? – не унимался я. – Ты говоришь, что у вас здесь нет избыточности. Не рискуете ли вы в случае аварии потерять данные?

– Нет, – спокойно ответил гид. – У нас имеется серия устройств для обеспечения бесперебойного питания. Используя же для хранения информации органические ткани, мы получаем наилучшую гарантию безопасности из всех, ибо сами мозги сохраняют все данные даже в случае перебоя в питании. Восстановить потери будет хотя и затратно, но возможно.

– Во время вторжения, – сказал я, – возникли ли какие-либо трудности?

– Мы находимся под защитой захватчиков, ибо они считают нашу работу жизненно важной для их собственных интересов.

Вскоре после этого состоялось общее собрание гильдии Летописцев, и нам, ученикам, разрешили наблюдать за ним с балкона. Под нами, в полном облачении, с платками на плечах, были члены гильдии, среди них Элегро и Олмейн. На возвышении, украшенном изображением спирали, стоял канцлер Кенишаль из Летописцев, суровая, внушительная фигура, а рядом с ним – куда более заметный персонаж, из числа захватчиков Земли. Речь Кенишалья была краткой. Его звучный голос был бессилен скрыть пустоту его слов. Как и любой администратор, он изливал потоки банальностей и косвенно похвалил себя, поздравив членов гильдии с выдающимися успехами в работе. Затем он представил захватчика.

Пришелец вытянул в стороны руки, пока те, казалось, не коснулись стен аудитории.

– Я Наместник номер Семь, – негромко сказал он. – Я прокуратор Перриса, и на меня возложена особая ответственность за работу гильдии Летописцев. Цель моего сегодняшнего прихода сюда состоит в том, чтобы подтвердить указ временного оккупационного правительства. Вы, как Летописцы, можете беспрепятственно осуществлять свою деятельность. Вы имеете свободный доступ ко всем сайтам на этой планете, равно как и любой другой, если это поможет вам в изучении прошлого этой планеты. Вам остаются открыты все файлы, кроме тех, которые относятся к организации самого завоевания. Канцлер Кенишаль сообщил мне, что в любом случае завоевание выходит за рамки ваших нынешних исследований, поэтому никаких трудностей не возникнет. Мы в оккупационном правительстве осознаем ценность работы вашей гильдии. История этой планеты для нас крайне важна, и мы хотим, чтобы ваши усилия по ее изучению не прекращались.

– Чтобы привлечь на Землю еще больше туристов, – с горечью сказал принц Роума рядом со мной.

Между тем Наместник номер Семь продолжил свою речь:

– Канцлер попросил меня довести до вашего сведения одно важное административное нововведение, которое следует из оккупированного статуса вашей планеты. В прошлом все споры между вами разрешались судами вашей собственной гильдии, и канцлер Кенишаль имел высшее право на апелляцию. В целях эффективного управления мы сочли необходимым установить для вашей гильдии свою юрисдикцию. Поэтому Канцлер передаст нам те судебные процессы, которые, по его мнению, больше не попадают в сферу его полномочий.

Летописцы ахнули. Внизу под нами члены гильдии заерзали и обменялись недоуменными взглядами.

- Канцлер слагает с себя полномочия! – воскликнул какой-то ученик рядом со мной.
– Какой у него выбор, дурак? – сердито прошептал другой.

В зале поднялся шум. Летописцы вскочили с мест и устремились в коридоры, яростно жестикулируя, споря, что-то доказывая друг другу. Один почтенный обладатель шали был так потрясен, что, не обращая внимания на толпу, согнулся и попытался сделать несколько глубоких вдохов. Толпа налетела на нас, учеников, и мы были вынуждены отпрянуть. Я попытался защитить принца, опасаясь, что его собьют с ног и растопчут. Увы, мы были разлучены, и я на несколько минут потерял его из виду. Когда я увидел его снова, он стоял рядом с Олмейн. На ее лице играл румянец, глаза блестели. Она что-то быстро говорила, а принц слушал. Его рука вцепилась в ее локоть, словно в поисках опоры.

4

По завершении вводного курса обучения мне были поручены мелкие, тривиальные задачи. Главным образом меня просили сделать то, что раньше было бы полностью выполнено машиной: например, контролировать линии питания, по которым питательные вещества поступали к мозгам в емкости памяти. В течение нескольких часов каждый день я мерил шагами узкий коридор инспекционных панелей в поисках засоренных линий. Устроены они были так, что если в линии возникал затор, то по всей длине прозрачной трубки возникал сигнальный узор, и лучи специального поляризованного света освещали его для инспектора. Я выполнял свою скромную задачу, время от времени находя препятствие. Выполнял я и другие мелкие поручения, которые соответствовали моему статусу ученика.

Впрочем, у меня также имелась возможность вести собственные исследования прошлого моей планеты.

Порой человек осознает ценность вещей, лишь когда они утрачены. Я всю свою жизнь служил Наблюдателем, стремясь заблаговременно предупредить об обещанном вторжении захватчиков, не заботясь о том, кто захочет вторгнуться к нам или почему. Всю мою жизнь я смутно осознавал, что Земля знала куда более великие дни, нежели те, что были в Третьем Цикле, в котором я родился, но при этом не стремился узнать, какими были те дни, а также причины нашего нынешнего упадка. Лишь когда в небе расцвели звездолеты захватчиков, я ощутил внезапный голод, желание узнать наше потерянное прошлое. Теперь, будучи самым пожилым из учеников, я, Томис из Летописцев, рылся в архивах минувших времен.

Любой гражданин имеет право подойти к общественному нейрошлему и запросить у Летописцев информацию по любому вопросу. Никаких секретов нет. Но Летописцы не предлагают помощь. Вы должны знать, как спрашивать, иными словами, вы должны знать, *что* спрашивать, вы должны сами искать нужные вам факты крупница за крупницей. Это полезно для тех, кто хочет узнать, скажем, долгосрочные климатические изменения в Агюпте, или симптомы болезни кристаллизации, или ограничения в уставе одной из гильдий. Но это совсем не помогает человеку, который желает получить ответы на куда более важные вопросы. Приходится запрашивать тысячу самых разных фактов лишь для того, чтобы начать. Это слишком накладно; мало кто за такое возьмется.

Как будущий Летописец я имел полный доступ ко всем данным. Более того, я имел доступ к каталогам Индексаторов, ведь те являются дочерней гильдией Летописцев. Они своего рода их выючные животные, чья работа состоит в том, чтобы записывать и классифицировать то, чего они сами часто не понимают. Конечный продукт их труда служит высшей гильдии, но каталоги открыты не для всех. Без них же провести тщательное исследование невозможно.

Я не буду перечислять этапы, через которые я пришел, приобретая знания: часы, в течение которых я мерил шагами лабиринт коридоров, отказы, недоуменные взгляды, головную боль. Наивный новичок, я нередко становился жертвой розыгрышей шутников, и многие дру-

гие ученики, и даже один или два члена гильдии, нарочно вводили меня в заблуждение, чтобы посмеяться надо мной. Но я узнал, какими путями следовать, как составлять цепочки вопросов, как двигаться по пути ссылок все выше и выше, пока истина не открывалась мне во всей своем ослепительном великолепии. Благодаря упорству, а не большому уму я извлекал из файлов Летописцев историю упадка человечества.

Например: в далеком прошлом была эпоха, когда жизнь на Земле была жестокой и примитивной. Мы называем это время Первым Циклом. Я имею в виду не период до цивилизации, время нечленораздельных звуков и волосатости, пещер и каменных орудий. Мы считаем, что Первый Цикл начался, когда человек впервые научился записывать информацию и подчинять себе природу.

Это произошло в Агюпте и Сумире. По нашим подсчетам, Первый Цикл начался около 40 000 лет назад, однако мы не уверены в его истинной продолжительности, поскольку в конце Второго Цикла продолжительность года была изменена, и теперь не представляется возможным установить, сколько длился период вращения нашей Земли вокруг Солнца в предыдущие эпохи. Возможно, несколько дольше, чем сейчас.

Первый Цикл был временем Имперского Роума и первого расцвета Джорслема.

Эйроп оставался диким еще долгое время после того, как Ася и части Африка были цивилизованы. На западе большую часть Земного Океана занимали два великих континента, и они тоже были заселены дикарями.

Считается, что в этом цикле человечество не имело контактов с другими мирами или звездами.

Такое одиночество трудно постичь, но все же так было. Человек не умел создавать свет, кроме как через огонь, не мог лечить свои болезни; ему был неведом секрет обновления жизни. Это было время без комфорта, серое и унылое, суровое в своей простоте. Смерть наступала рано, человек едва успевал завести нескольких сыновей и вскоре умирал. Он жил в вечном страхе, хотя и боялся вымышленных вещей.

Душа в ужасе отшатывается от этого времени. И все же верно, что в Первом Цикле были основаны великолепные города – Роум, Перрис, Атин, Джорслем – и совершены великие дела. Сегодня мы замираем в благоговении перед этими далекими предками: дурно пахнущие (вне всякого сомнения), неграмотные, без машин и вместе с тем способные найти общий язык со своей вселенной и до некоторой степени овладеть ею.

Война и страдания были постоянными спутниками Первого Цикла. Разрушение и созидание были почти одновременными. Огонь пожирал самые прекрасные города. Хаос всегда угрожал поглотить порядок. Как только люди могли терпеть такие условия в течение тысяч лет?

К концу Первого Цикла большая часть этого примитивизма была наконец преодолена. Человеку стали доступны источники энергии. Было положено начало настоящему транспорту. Стало возможным общение на расстоянии. Многочисленные изобретения за короткое время изменили мир. Методы ведения войны шли в ногу с технологическим ростом в других направлениях, но полную катастрофу удалось предотвратить, хотя несколько раз казалось, будто она неминуема. Именно на этом, последнем этапе цикла были колонизированы Затонувшие Континенты, в том числе и Стралья, и состоялся первый контакт с соседними планетами нашей Солнечной системы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.